

Смена

№ 10 МАЙ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

ЛУЧШИЙ
КУКОЛЬНЫЙ
ТЕАТР
МИРА

«В девятом пятилетии развернется в больших масштабах добыча нефти на новых крупнейших месторождениях Тюмени и Маныгашла, где предусматривается получить 75 процентов всего пристраста добчики нефти».

Из доклада А. Н. КОСЫНКИ «Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг.»

И НУЖНО ИДТИ ДАЛЬШЕ...

С делегатом XXIV съезда КПСС, начальником Глavitюменгеологии, лауреатом Ленинской премии, Героем Социалистического Труда Юрием Георгиевичем ЭРВЬЕ
беседует специальный корреспондент «Смены» Леонид Плешаков

Урепортеров, берущих интервью, есть вопрос, который они хотят задать своим собеседникам. В разных вариантах формулируется он примерно так:

— Кем вы мечтали стать: молодежи и наставнику, профессору, отчаянному тем, мечтам? Если бы пришлось сменить ее, не бы вы хотели?

Несмотря на избыточность этих вопросов отнюдь не случайно существуют и одни и те же вопросы, мысли из детства, и оттуда, из тех далеких лет, изнывал взл в соборе в первые сплошности и привязанности, первые планы и честолобные мечты. Такие мечты — это физическая личность. И осмыслившее желание стать тем-то — это первая попытка выразить свою физическую будущую место среди себе подобных. И сравни, кем хотел стать человек и каким образом, — и вы увидите, что начинавшее питало его жизнь, многое на первый взгляд непонятное.

Свое интервью с Юрием Георгиевичем Эрвье я решил начать именно с этого вопроса. Согласен, лучше было бы отдать им на геологи. Что это? Верность счастливым сбывающимся мечте или несчастливому пониманию ее? Или дала несправедливую профессию, и можно и с нею отшвырнуть всю жизнь.

Извините, Юрий Георгиевич, вопрос подтекст, сразу поставляю вслух: насколько вы довольны жизнью?

И всегда любил природу и засел мечтами о профессии геолога. Никого из какой-либо другой не думал. Детство и юность прошли в Тбилиси. Любил бродить по окрестным горам, собирать интересные камни, а потом в книгах находил описание и объяснение их особенностей.

Так что в этом отношении мне поездка в Биробиджан был сделана рано, хотя в геологии я пришел не сразу. В 14 лет поступил работать на мыловзаренный завод. Там понял, что это не для меня. Уехал в Среднюю Азию.

Появились инстинктивная геологическая страсть к перемене мест — спросите же.

— Как сказать? В молодости все интересно. А мне было действительно интересно. Этим, пожалуй, и объясняется, почему ездил из одного средиземноморского города в другой: Термеса, Чархида, Каппадокия, Египет, Тиран, Египет, Каппадокия, Египет, Тиран... Трудился на заводе, работал, ехал дальше. С каким-то уральским казаком однажды на лодке проплыл всю Аму-Дарью. Видел зеленые оазисы и бескрайние пустыни, яркие краски Востока и неизвестные бытность. Бедность и баготство. Все было ново. Но, конечно, не знал, что это. И тогда решил: визитал да и путевку дали в Ленинград — поступать в горный институт. Пока собирался, добирался — это был 1928 год, а в

те времена транспорт не спешил, опоздал, прием был закончен.

Случай познакомил с прообразом буревой партии, которая вела поиски газа около Мелитополя. Прорыв был отличным специалистом в своем деле, об образованье и науке не имелось. Молодой геологический народ, меня для него был на-
койной. Да и для меня самого это был золотолюбивый вариант: путь и на поступила в институт, чтобы сразу получила работу, о которой мечтал. В общем, долго друг друга уговаривали, отправились в Приазовье.

С тех пор я геолог. Позже работал, учился, воязал, но все время не дистанцировалась с этой профессией. Могу даже, пожалуй, считать себя одним из самых старых в стране разведчиков газа. Начал она искать скопия с линиями лет назад, и вот из-за нее я бы пришлось сорвать те годы, а я не вижу времени...

— Это несравнимые вещи. Тогда разведка газа вела только в трех районах страны: в Туркмении, около Чинкишлара, в Дагестане и в Приазовье. И найде большого газа не нашли. Да, собственно говоря, и не нашли. Бурили группу шурфов, на глубокие скважины, где фиксируют с выходом газа, полагаясь на слепую удачу.

Так мы и кочевали по степям Приазовья, по многоязычным, богатым деревням, где жили русские и украинцы, немецкие колонисты и бывшие греки, а также искатели золота деревенской вишни. Бурили. А когда из скважин начали появляться масштабы залежей богаты, предвидели все грядущие сенсационные открытия... — не верьте. Это неправда. Даже сейчас, когда много найдено, когда одни только разведанные месторождения Тюменской области дают более 100 миллиардов тонн прозрачной струи, а газовые вышки на первое место в мире, даже сейчас трудно назвать точные залежи горючего, скрытого в толщах Западно-Сибирской низменности. Да и скажу этот огромный край остается в определенном смысле все тем же. Многое открыто, многое скрыто...

Из Азессы ушли в Севастополь. Дальше — Северный Кавказ. Где будущие газопроводы, где разминировали поля.

Война для меня кончилась в январе 1945 года. В потогах инженер-майора направили в Кипинин возглавлять геологическую экспедицию в Молдавию. Страна начала восстановление. Нужно было строить. И мы, геологи, искали глину, песок, бутовый камень, позднее нефть и газ.

Слушая Эрвье, я заметил, что за

эго рассказом о том, как он искал, газ и что искал, подспудно вставал на мысль о расширении границы поиска — поискам самого газа.

Сделав такое открытие, я не стал торопиться, чтобы не пропустить его. Он пришел к обильствию резкого и несомненного поворота в его жизни, и я не стал торопиться.

В то время он имел знания, опыт, хорошую должность — все, что позволяло ему заниматься геологической работой. Работу, отмечьте, любимую.

И вдруг по первому предложению начальника Глavitюменгеологии Юрий Георгиевич в Тюмень 1952 года, где еще

только предстояло открыть нефтяные богаты, пришел в газовую геологическую службу лишь создававшаяся, а потом перепреставленная Была неясной, а затем — неизвестной — глубина, а также — неизвестная — глубина труда.

И пришла она. Нефтегазовая, и получившая от нее это название в геологии (если исключить годы войны) делится на две совершенно различные части: есть что-то Тюмень, есть что-то Южный Урал.

Не удивляйтесь, если эта вторая, сибирская часть, это трудовая Южный Урал, отличается от первой и ее все с немецким основанием будут называть норманным. Где-то в глубинах my труда дермат в месте надменной ноги.

Но Южный Урал, дававший лет назад, не удержал ее удерман в более благородной газовой форме.

Почему мы все-таки поехали в Тюмень?

А как не поехали? — отвечает он на вопрос вопросом. — Огромный край. Сибирское белое пятно. Тебе предлагают попробовать свои силы. И ты видишь: есть же, где развернуться...

И знаешь, что же тебе предстоит наладить — это газовая мысль...

Нет, говорите Эрвье. Это не факт. Это предложение. И если вспомнить, что мы уже некогда имели представления масштабы залежей богаты, предвидели все грядущие сенсационные открытия, — не верьте. Это неправда. Даже сейчас, когда много найдено, когда одни только разведанные месторождения Тюменской области дают более 100 миллиардов тонн прозрачной струи, а газовые вышки на первое место в мире, даже сейчас трудно назвать точные залежи горючего, скрытого в толщах Западно-Сибирской низменности. Да и скажу этот огромный край остается в определенном смысле все тем же. Многое открыто, многое скрыто...

Я хотел было для примера напомнить о газопроводе, соединяющем Тюмень с Европой, но о нем я уже поговорил с вами. Помимо того что он сам мне рассказал.

Дело было в последние дни оборонительной войны. Эрвье, будучи на заводе, открыл ворота и наружу отряд приказали уйти на танкере «Серго Орджоникидзе» в Севастополь. Танкер, названный в честь Никиты Павловича, получил неожиданно тридцать одного пассажира, сказав Эрвье:

— Я хочу, чтобы вы сели в кабину и начали ворота за спасательными поясами для ваших людей: немецкие пленники.

Всемое может быть...

— Зачем? — отвечает Эрвье. — У вас же есть спасательные пояса.

Попади хоть одна бомба — ни на ходу поехать не выплыши из этого отряда, — я сказал.

И Эрвье, так и не додавшись отвеча на связи вопрос, продолжил:

— Мы ехали сюда не ради риска. Ехали работать. Поэтому не ждали, что когда-то вот так сразу вознаградят нас за то, что мы не побоялись сунуться в тягу и здешние непролазные болота.

Но, наверное, были и такие, что думали по-иному?

— Уехали. Но их давно здесь нет.

Уехали...

И что же?

— А ничего. Привет им и лучше

свою присказку он повторял каждый

раз, когда рассказывал о людях, с

которыми в разные времена пришлось

расстаться. И если посторонний слуша-

чак с некоторым не представлялся за-

интересным, то на него насыпалась

пожелтевшая пыль, на него насыпалась

чернила из своей собственной

жизни.

Но тогда я этого не знал, попросил объяс-

нить:

— Есть люди, которые любят геологию. А есть, кто любит себя в геологии. Их интересует не дело, а то, что они могут убрать с него.

Понимаете, я не о тех, кто случайно

выбрал нашу профессию, ничего

геологии не дал, ничего у нее не

взял и ушел. Я о тех, кто в любой

работе видит прежде всего личную

выгоду, и только ее. От них всегда только вред. Вот такими Тимоны оказались наше зубы.

(Смеется.)

Они хотели стричь купоны, ждать результат от каждой скважины, разочаровываться, но не работать снова, ждать. Поймите, состоянию тех, кто приехал сюда в пятьдесят втором или еще раньше. Березовский, Сапогов, Каминский, оторвались в пятидесятые годы. Открыли скважину, пробурили скважину соленое не в том месте, где, по расчетам, должен был быть, и если бы все сделал как надо по проекту, вместо газа получили бы воду. А потому мы долго дырявили землю на самых, казалось бы, перспективных площадях, но не могли найти нефть.

Пробуренная нефть была получена только в шестидесятом. Крупные ее месторождения нашли еще позже. Главные же, возможно, еще не най-

дены людьми, что отработали здесь уже восемнадцать — двадцать лет. Пропало нещадно десятилетиями времени, и люди, что и открыли все, что теперь известно,

— И все-таки согласитесь, Юрий Георгиевич, что и ухахали понять

все это в самой профессии геолога скрыта большая несправедливость, потому что многое зависит от удачной случайности. Вы сами скажите, что всегда находишь то, что ищешь. Одни пробурили скважину на новом месте, другим — на старом. Одни первооткрыватели. Другой бурили рядом, работали не меньше, но пошли в архивы, и не нашли.

Они пробурили скважину на новом месте, другим — на старом. Одни первооткрыватели. Другой бурили рядом, работали не меньше, но пошли в архивы, и не нашли.

— Бывает. И психологические нагрузки бывают.

— Но почему они происходят?

— Каждый человек склонен переоценивать себя, свои способности. Это заключено, наверное, в самой природе человека. Человека подталкивает себя к занятиям, погружает в них, поглощает ими.

Но геология хороша еще и тем, что быстро лечит от этого недуга. Рано начинаешь понимать, что на самом деле пено в жизни, а что проходящее. Остается гордость за сделанное, чувство выполненного долга. Мелочное тщеславие, легко-

ранимое, болезненное честолюбие уходит. Что, из ваш взгляд, самое главное в профессии геолог? Я не об отдельных качествах, необходимых для геолога. Я говорю о профессии. О том, что включают в себя все эти качества, что особенно отличает профессию геолога от других профессий.

Юрий Георгиевич задумался лишь на мгновение. Понял, что и дальше придется говорить о геологии.

Мне кажется, что самое главное — всегда быть психологически заряженным на победу. Человеку, который легко поддается первой же неудаче, которого первая же трудность, которую он не преодолел, опускает с себя занятия, погружает в болезнь.

Геолог может ошибаться. Может сомневаться в своих прежних выводах, может возвращаться к листингу ранее, переделывать, пересматривать, переосмысливать то, что, когда-то казалось бесспорным.

Но он всегда обязан верить в конечный результат, даже если он никогда не будет.

— Согласитесь, это не просто, если факты говорят: успеха не будет.

— Ну и что же? Не падать же

Юрий Георгиевич Эрзев.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
и общественно - политический
журнал Центрального комитета
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 10 [1056]
МАЙ
1971

НАША ОБЛОЖКА: ЧАСЫ НА ФАСАДЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЕАТРА КУКОЛ.

Фото Мирослава МУРАЗОВА

О лучшем в мире кукольном театре читайте на страницах 20-29

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**РЕШЕНИЯ ХХIV СЪЕЗДА ПАРТИИ — В ЖИЗНЬ.
ПРОБЛЕМА АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ
СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ**

ЧЕЛЯБИНСК: ДОМ ОБОРОНЫ

ДИАЛОГ С КОМПОЗИТОРОМ АНДРЕЕМ ПЕТРОВЫМ

«КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ». ДВИНА

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, Г. П. Елисеев, К. Н. Замошин, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], Р. И. Рождественский, Е. И. Рубинков, Г. Б. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], В. Е. Томашкин

Художник Г. С. Терзибашянц Технический редактор Н. И. Будкина

из-за этого дураком. Нужно понять причина неудач и идти дальше.

— Все с той же верой? — не сдержалась я.

Этры иронии не принял, серьезно спросил:

— Все с той же верой в успех. А если снова вместо нефти вдруг Илья вообще ничего? Ведь вы сами говорите, что нефть — это природное богатство, искать там, где никогда ничего не будет найдено.

— Да, это приходится. Но чаще все-таки мыши приводят к находкам.

Ну, а если даже ничего и не удалось найти, труд не прошел даром. Он доказал, что нужно искать в другом. И это тоже результат: сюда не пойдут другие геологи, а впоместе, возможно, смогут следить за строительством. В известном смысле эта находка будет нашей общей победой.

— Все это, так, даже маленькие, но непрерывные достижения. И тогда, когда мы будем сидеть в кабинете Танкова узел чековской науки. И если из пробуренных скважин вместо нефти вылезут грибы, то эти философские рассуждения о том, что эта твоя неудача создает намного

лучшее будущее, не получат задание и точку на графике.

Я согласен. Понимаю, даже как

себе — наследование. Но особенно радостно бывает, когда он приносит успех. Только геологи не ковыляют в темноте. Всюду ритмы и удача. Чубаров, пожалуй, верить в конечную победу.

Я понимал, что он прав. И в то же время видел в его рассуждении многое из того, что Струве и Гейгель описали в своих трудах для обобщений. Но и мы смущали одно: в своем отчете мы боялись упомянуть о возможности, когда фортуна, словно осеняет благами и почестями, ни за что не охотится. Или же, например, что не о конкретных (материализованных, что ли) проявлениях этой удачливости, а о ее причинах, о ее механизмах, поэтому не о них речь.

Я о психологике. Веди она Фортуна! Или же, может быть, обстоятельства. А последние таноны: любопытство, интерес, которые в будущем сделают возможным то, что вчера казалось смешным перечеркнутий непреложным фактом среди тех, кто первым открыл мир, — это не нечто иное, как потрясение миру сенсационностью этих находок, было Юрий Георгиевич Эрты. Это было нечто иное, чем просто всплеск. Понимал ее значимость. А потому, хотел этого и нет, смотрел на звезды, на солнце, на луну, на землю, на зеркало побережья человека. Может быть, отсюда его твердая убежденность, что впереди неизвестное всегда будет вознаграждением удачей?

Но, возможно, я вовсе и не прав. Возможно, таноны, увлекшие Эрты, побудили человека труда, ума, воину он был всегда. И только обстоятельства, интерес, любопытство, побудили его в безвоздушное положение. Однажды такое испытание выпало и ему лично.

Я спросил:

— На мой день был самым тревожным в вашем отчете.

Как в Колхазии меня зазывали рухнувшей стекой карьера. Сломал лопатку, два позвонка, ступни. Сознания я и потерял. Глыбы льда были крупицами, так что хватало воздуха дышать. Но как же я не мог умереть? Я не мог умереть, разрывал, разрывал мозг.

Но это был случай, когда лично от него ничего не зависело. Ну, а если оставалась шанс, всегда ли он побеждал? Или же, возможно, это нечестное введение его уверенным?

И я решил честно выполнить ему все, что он просил.

Он сказал:

— Мне близко выражаться на судьбе. Мне повелось с Тюменью. Тут я в полууму нашел свою судьбу. Поэтому всегда буду верен этой земле. Ты же будешь верен земле, потому что ты на огромной площади земли и ведом развию нефти и газа, по занимавшимся также углем, рудами, стройматериалами, водой. Все это интересно. Но нефть и газ больше по моему характеру. Всегда приятно получать фонтаны. Фонтаны — это очень красивая вещь. Это я знаю, знаю из опыта. И я верю в нее. Если сравнишь с чем-то, то разве только воду еще можно поставить рядом. Не алмазы, не золото, не руды — они мертвые. А эти живые. Да, мне

повелось. И потому, что я всегда верил в удачу, в хороший результат начатого дела, — закончил он.

А я подумал про себя: «И Тюмень предает, что среди ее первооткрывателей нет ни одного героя». Одним человеком ничего не может открыть. Но это времена, не тот уровень геологии.

— Но ведь были бригады, у которых фонтаны ударили раньше других.

Ну и что же? Буровая бригада проходит скважину не там, где ей дадут на душу положил. Точку, где должна быть скважина, ей указывают в экспедиции, и бригада лишь выполняет приказание. Одним человеком не получается. Но ведь были бригады, у которых скважины залегают недалеко от решимых глыб, от наличия в данном месте нефти или газа. Экспедиция же получает задание и точку на графике.

И главе нельзя считать единственным первооткрывателем. Свои решения он принимал, а после этого на анализе данных геологической разведки. А до геофизиков тут прошли геодезисты. От них зависит точность карты. Так что, видите, какой коллегий один! Только геологов занимается открытием. А учение, которые анализировали наши работы, давали рекомендации на будущее? А геодезисты, к примеру, трактористы, шахеры, которые обеспечивали работу партий, — разве они не являются первооткрывателями?

Первооткрыватели — это большой коллектива, это те, кто там или иначе принимал участие в поиске. Заслуга один в открытии больше, других — меньше, но заслуга первооткрывателя достоин каждый, кто помог им трудались. А таких целых армий.

Тюменской нефти повезло, что здесь, на месте, вон сразу появились в нее и в дальнейшем работали сообща. Мы, геологи, постоянно чувствовали поддержку администрации КПСС и обеих партий. Это не была обычая помощь, которую любой обком должен оказывать своим организациям. Работники обкома партии быстро вникли в суть наших работ, поняли их особенность, стали единомышленниками в этой области. А став таковыми, они сумели быстро оценить и показать эти залежи. И это заслуга КПСС и обеих партий. Это не была обычая помощь, которую любой обком должен оказывать своим организациям. Работники обкома партии быстро вникли в суть наших работ, поняли их особенность, стали единомышленниками в этой области.

Сама другая страна, поскольку построены там геологические науки — это самое Эрты, наоборот, пришел изучать геологию в СССР. И это заслуга КПСС. Не помню, чтобы он, как минимум, в попытке его сравнять нефтегазосъемные методы с методами Тюмени, с подобными в других странах, не стал использовать сравнение с теми, что в СССР. И это заслуга КПСС, которая сделала настоящий экономический и научный вклад в развитие геологии и геофизики. И это заслуга КПСС, потому что в добывающей промышленности и в строительстве коллекторов, комплексоресивных станций, милионами рублей, затраченными на геологическую разведку и обустройство поселков инженерно-техническихников. Когда за-

вершина подсчеты, он сопоставил результаты, подсчитанные в Тюмени, ольты были предварительные.

— Понимаете, дорогой мой, — сказал он в конце, — можно кормить человека кашками, а можно — отрезав ломоть от каравая. Пусть даже по весу они будут одинаковы, но все равно из крошек не слепишь целый кусок. Так и тут. Природа в Западной Сибири сотворила прекрасный

каравай, народное хозяйство должно питаться хорошими, полноценными ломтиками, а не собранными крошкиами нефти и газа.

И я подумал: «Что может человеку, когда он может просто защищать свою точку зрения».

Ну и заключить хотелось бы вот что:

Трое детей Эрье пошли по стопам отца. Старший сын, Юрий, ищет руду в Тюменской области. Александр работает

в бурингации в Горноправдинске. Мальчик после геологического факультета МГУ работал в Тюмени, теперь аспирант. Таня что и тут он удачлив: летом она тоже едет домой.

И, наконец, был этот человек успомнился. Седьмой десяток все-таки размечтался.

Что открыто — то открыто. А нужно идти дальше. Самое главное теперь — найти нефть на Уренгое. Для меня в этом скрыта и чисто

личная цель: хочу подтвердить свою точку зрения, что под мощной газовой залежью здесь находится вторая нефтяная Самотлор.

Участок подготовки труб для нефтепровода.

Фото Геннадия КОПОСОВА

ЧИТАТЕЛЬ: МНЕНИЯ И СОМНЕНИЯ

«ДИАЛЕКТИКА ОДНОГО ХАРАКТЕРА»,

«СМЕНА» № 3, 1971.

ФЕТ МИХАИЛ ГЕННАДЬЕВИЧ. Жизнь — самодразование, это либо возможность сыграть в театрах и музеях.

Статья в «Смене» заставляет нас, сознательных читателей, «спрессовать» свою мысль там, чтобы наряду с час получать знания и отдавать их другим.

Л. ДАНИЕНИКО, Донецкая область.

Публикации донецкого писателя Федорина очаровательны и поучительны. Лариса Е. — человек, видимо, не совсем обычный, не одиличийский. Психологические эпизоды в дневнике Федорина позволяют читателю, в нужные времена, понять свои ошибки, подняться до уровня обобщений. Это стремление к совершенствованию, к самосовершенствованию, которое свойственно всем, кто интересен современному человеку, человеку мысли и действий. Именно действия, потому что не многие из наших писателей умеют писать о действиях людей, подобных Ларисе Е., много, но относительно общей массы людей их еще мало. Поэтому, пожалуйста, Адольф Федорин! Пишите о тех новых необходимых. Необходимо и перепечине обмен мнениями, книгами. Редакция «Смены» сможет помочь и в этом.

Ю. АНИКЕЕВ, г. Рига.

Дорогие редакторы! Пишет вам старая погорянка, служащая первый год. Побывала бы тама статья, как «Диалектика одного характера»: подобные материалы учат нас двадцатипятничкам, жить в мире, любить мир, любить людей. А эта духовущая лицу, заставляющая думать целинатором. Я не хочу утверждать, что письмо Ларисы Е. было написано в духе Федорина, но оно глядит «делать самого себя». Нас многому учат в школах, в вузах, однако строят свою жизнь, свое будущее, не забывая о том, что надо развивать интеллектуальное развитие, чистоту души. Человек должен сам, индивидуально, лично.

В. САВЧЕНКО, Армянская ССР.

То, что открылось нам в дневнике Ларисы Е., — пример для многих. Говорю по-мальчишески откровенно: это здорово! Не восхищен, не привычен для себя, хочется о многом подпороть, но привычен для себя, потому что сам создал свою собственную личность. Мне хочется встретиться с Ларисой Е., но не сейчас, а через пять лет. И тогда я скажу ей: «Спасибо, ты моя мама, ты моя мать, ты покорнила, люблю «вымытывать» из него все лучшее и... «пропустить» это через собственное сознание, потом укоренить в себе».

Н. АНТЫШЕВ, г. Джамбул.

Статья О. Кунинской заставила меня о многом задуматься. Перемещение, пересмотреть собственную жизнью, увидеть «чудесный мир человека, близко живущий между нами». Мне показалось, что это — это нечто, что неизвестно, что неизучено, что неизучаемо. Я решил пойти в Институт культуры, на библиотечное отделение. Жить с семьей, учиться, писать, писать, писать. Жить и знанием у меня огромная и чрез дальш, тем больше, жить мне интересно. Село наше большое, культурное, у меня много друзей среди учителей, комсомольских работников; общение с ними помо-

от РЕДАКЦИИ. Деадцать лет — время интенсивных поисков своего «я», время самоопределения, становления личности. Счастливые и грустные годы...

Всегда молодому человеку нужно знать сам себе цель: назначение каждого человека — разить в себе все человеческое, общее и наследственное им. Все люди имеют равное право на давление друг на друга, говорят этот человек, сам достигший высокого уровня, имеющий в своем составе достоинства на благо человечества.

В письмах-откликах, присыпавших в редакцию, четко проявляются характеры их авторов — те, которые, живые нации, которые не будут надеяться только на коллегию, пока он изображен, сформирует, — они сами жаждут шагнуть в жизнь, собственным открытием. И пусть подчас это будет повторение уже найденного другими, но это же открытий, которое и делает эти письма очень живой.

Самостоятельный приобщение к науке, искусству, изучение всех тех богатств, которые выработали человечество, и обращение полученных знаний на пользу людей — это и есть выполнение главного завета Владимира Ильича Ленина, «искаженного им на III съезде комсомола».

Редакция было бы интересно получить от своих читателей письма, в которых бы выражалось желание о жизни, о работе над собой, о самовоспитании. Наиболее интересные, с согласия авторов, мы намерены опубликовать на страницах «Смены».

НЕЙТРАЛЬНЫЕ ВОДЫ

Евгений МЕСЯЦЕВ, специальный корреспондент «Смены», фото автора

Вечер жаркий, напористый со светом гуляет в маджриках и ресторанах. В ближайшем рассвете приступает высокий встречный берег. Через двадцать минут мы войдем в чужие воды.

«На сигнальном! Поднять турецкий флаг!» Это сказал капитан первого ранга, командир противолодочного крейсера «Ленинград». Звездовский будто пронзил своей корабль через Босфор и Дарданеллы.

Босфор, как Босфор: серо-зеленая вода извилистый, узкий фарватер. Медленно сходятся берега, разступ, приближаются дома Стамбула, и Звездовский почти останавливает машины, чтобы разглядеть рыбачью скопину или плавник, или которых здесь нет ни порядка, ни горских законов. Им нет дела до нервов Звездовского, который осторожно ведет «Ленинград» в самую узкую часть Босфора, к заливу Золотой

рог. Небо насыщает на минареты, дым от утренних очагов выстилает крутые прибрежные улицы, где еще не потянулись растянутые занавесы. «Обе, самый малый вперед, обе средний, лево на борт... отворачивай!» Только через два часа, в Мраморном море, Звездовский наконец выведет на полную мощь корабельные машины, передаст свои права старшому, а сам тут же, на ходовом мостике, сядет в высокое кресло мидийское и закроет глаза...

Звездовского прозовали жену и две дочери. Командиргляну на них в сильный перископ, когда «Ленинград» уже выбрался на чистую воду: девочки что-то говорили матерю, и никто из них уже не смотрел на моряка.

Оркестр на палубе играл «Славянку», все свободные от вахты не отрывали биноклей от берега, корабли на рейде отдавали ленинградам прощальный салют: «Желаю счастли-

вого плавания! Горжусь, что провожаю вас!»

Этот невысокий подтанцованный человечек с каштановыми волосами был с пантанты старший брат. Его служба началась в дивизионе легких эскадренных катеров Балтийского флота. «Золотые годы» он провел в Заполярье, где и убедился окончательно, что море — его призвание...

«Учебная боевая тревога!» Все кругом шуршит, шинят, гудят, щелкают, скрежещут, ржут, ревут, остерин, зены и дарты «Ленинграда», его связь с внешним миром, его внутренности, его жизнь. С третьей палубы мне нужно подняться на ходовой мостик. Лабиринты люков, трапов, перегородок. Люди бегут к своим местам на всех щелей. Иногда кажется, что вот-вот развернется «Золотой век», и все начнут прыгать офицеры и матросы.

Пять часов утра. «Воздушная цель номер восемь. Высота — 400 метров, скорость — 1 020, курс — на корабль...»

К поиску подводных лодок готовится группа противолодочных вертолетов крейсера «Ленинград».

На румбах Средиземного...

Вахту на юте несет старшина второй статьи Александр Гаевский.

Мы идем недалеко от Крита. По данным корабельных радиополотников, оттуда поднялся обнаруженный самолет. Возможно, что нас ждут и под водой: «включите акустические станции».

Сигналы гидролокаторов летят сквозь толщу воды, чтобы решить сложнейшую задачу: найти и имея в подводной дуге, определить ее скорость, курс, глубину погружения... Это — уравнение с сотнями неизвестных.

Но еще плох знают океан и его подводные. Моряки наают дело с огромным зловещим водной средой, природы которых далеко не изучена. Невидимая температура морской воды, различия в ее солености и плотности искажают звуковые волны. Свой так называемый «акустический сканер» спаренные гидролокаторы так же эффективно, как и металлы. Танкостроительный завод — следствие того же температурного скачка — позволяет обнаружить подводный корабль на большом расстоянии и вместе с тем скрыть подводную лодку, которая плавает всеми видами кабельных отсеков-эхотестов.

Для тех, кто привык думать, что океанические глубины пустыни и молчаливы, беспрерывный гул, исходящий от обитателей подводных джунглей, покажется невероятным. Десятки видов живых существ могут быть спровоцированы на вылазку из своих нор на шум подводных лодок, но и вести себя подобно им. Часто хоски мелкой рыбы или огромный кит имеют больше признаков подводной лодки, чем сама лодка.

Иногда в определенной районе и в определенное время удается заработать и уловить эти голоса зверей, но вспомним, если лица единич — и то же явление может иметь совершенно иные величины. «Акустический горизонт» чист!

«Слушать лучше!»

Синоптики наконец сошлись на том, что к полудни мы попадем в центр циклона.

Удача от ветра и волн можно за Критом. Поплыли же туда мы сюзом лишь к вечеру. Звездовский решает встретить бурю в открытом море. «Оборудование и механизмы защищены по-штурмовому». Наверх остаются ходовая вахта и сигнальщики. «Воздушная целик номер шестнадцать».

Это «Шизитона» — самолет британских BBC. Однажды членов экипажа, четыре поршневых двигателя, Бортовой проектант англичан пишет приветствие нашему командиру, а затем «презумовывает» положение, в котором нас застигла погода: «Я вас не завидую. Советую идти к Криту. Итак, мы сразу же попадем в историю. Звездовский привлекает сообщить об этом всем соседним кораблям».

Связь «Ленинграда» идет через двадцатидвухлетнего капитан-лейтенанта Леонида Мельникова. Москвич Мельников стал моряком еще романтиком, но его место на этом корабле никто лишил всех атрибутов романтики: видов штурмового моря, красочных картин вечернего заката, свежего ветра и криков морских птиц. Посты связи замурованы в чреве гигантского корабля, поэтому мэр Мельникова состоит в основном из звуков и ощущений, которые приносит ему прибрежный ветер.

В волнах без преграды на шине Мельников живет со своим подчиненным, старшим лейтенантом Алексеем Ващином. Путем они бегают на палубу — «размазывают с гитаркой», а после завтрака сразу же бегут за своим дела, прощаюсь до глубокой ночи. Все слушают они на ты. Все, что обычно говорят друг другу Мельников и Ващин, незначительно.

По-настоящему их могут разговорить линзы смысла с берега, но дом далеко, а почта не спешит за четырьмя часами.

Погода разговоров Ващин обычно сразу же засыпает. Мельников же садится за служебные бумаги или идет по постам своей боевой части. Ващин доволен своим командиром и кое в чем даже старается ему поддержать, ибо Мельников, по его мнению, «не процентов отвечает формуле» руководства «ЗНАЕТ — ХОЧЕТ — МОЖЕТ».

Первые удары волны и первые жертвы морской болезни: лягушки и моржики-переводчики. Для них вскрыты запасы воблы. Как «Ленинград» старшина первой статьи Петр Ересь, «работа по морю» — это «работа по морю», и он не забывает о коллегах-старших. Время обедает, но квакают стурихи. Время обедает, но только эквилибрист удергивает сейчас в руках тарелку с борщом или макаронами. «Надводных и воздушных целей не наблюдают, акустический горизонт», «Отбор учебной боевой тренировки».

Три часа ночи. Под нами самое глубокое место Средиземного моря — Матапанская впадина — 594 метра. Ветер и моря просто остановлены. Десятки видов живых существ не будут спровоцированы на вылазку из своих нор на шум подводных лодок, но и вести себя подобно им. Часто хоски мелкой рыбы или огромный кит имеют больше признаков подводной лодки, чем сама лодка.

В 6 часах корабли 6-го флота США держались прибрежных вод. Они пришли к нам с утраченным затишьем: авансонец «Джон Ф. Кеннеди» и эскадренный миненосец «Х. Руин», «Люблюсь формами вашего корабля», — прогремели с авансонкой.

Мы бросаем якоря у острова Кипр, чтобы избежать преследования американцев. Американцы, кажется, что-то задумали: авансонец ушел от нас лишь на пятнадцать развернулся против ветра и стал поднимать «флаги».

Это была обычная политическая игра между морской авиацией США. Истребители приземлились на специальные мины, которые были пущены раньше. Мечты черда для авансонки часть перелетят с «Джона Ф. Кеннеди» на корабли 7-го флота и начнет боевые действия во Вьетнаме — такова схема подготовки американских летчиков.

Чем еще занимаются моряки 6-го флота в Средиземном море? Проводят учебные атаки подводным и наземными целем. Атомные подводки США несут боевое дежурство с ракетами на борту.

Кажде можно найти подводную лодку. Когда море спокойно, наблюдают со среднего возмещения нетрудно даже без binoculars замечать пириски или широконе [устройство, через которое в двигателях попадает воздух]. Радиолокационные станции могут выследить такую лодку на расстоянии в тридцать километров.

Работа радиопатронатора, который ищет подвод [речь идет о надводном режиме ее плавации], зависит от состояния моря. Волнение вызывает на экране радиолокаторов особого рода помехи, называемые «фоном».

Чем сильнее волны, тем хуже видит радиолокатор на расстоянии. Чем выше видит радиолокатор на высоте, тем лучше обнаруживает обширные солистические поисковые аппаратуры и могут быстро на большом расстоянии «засечь» радиолокационные станции противолодочной корабли или самолеты, а значит, и своеобразные уйти на большую глубину [таким радиолокатор уже бесполезен], но не исчезнуть бесследно.

Подводная лодка — это «подводная машина», которую можно увидеть специальными обнажителями. Такие приборы обычно ставят

на противолодочных самолетах или вертолетах. Одним из многочисленных, обнажающих рабочее место, если известно приблизительное место подводной лодки. Иногда, обнажающий — это всего лишь система сплайнов, которая в сочетании с другими приборами помогает находить по подке более точный узел.

Конечно, радиопатронаторы и обнажители далеко не единственные средства в arsenale противолодочных самолетов. Специалисты считают, что в общей системе противолодочной обороны наиболее эффективны противолодочные подводные лодки. Большое значение они придают и боевым группам, куда входят вертолеты.

Шум вертолетного двигателя почти не мешает приборам обнаруживать подводную лодку. Подводники могут заметить вертолет, но для этого им нужно всплыть на перископическую глубину [10—15 метров]. Это totally способен на это на основе принципа подводников — скрытности. Слышать в салоне они боятся уйти от преследования, тем более, что по первому же подозрительному сигналу приборов вертолетчики могут вызвать подводку или же атаковать лодку своим бортовым оружием.

У вертолета малая скорость, он может быть замечен подозрительными машинами и предметами. К тому же дорогостоящая поисковая аппаратура устанавливается на сравнительно дешевом [по сравнению с самолетами и кораблями] иносфере. Пожалуй, единственный недостаток вертолета — это относительно малые радиус действия и ограниченное время полета.

В 6 часах утра Х. Руин дрейфует в милю от «Ленинграда». Старшим обмана был в этот день, а после пары с венецианами и упина на попытке палубу можно будет посмотреть с борта «Флитлей» и «Операцию вб». И вообще все, что было на берегах свежей Америки, — деревни, села и деревни Америки, библиотеки, телевизионный зал, спортивная и столярная мастерские, парикмахерская, свой эстрадный оркестр и учитель танцев. Звонит сигнал: «Все вахты на борту».

Командир «Ленинграда» занимает «трехполуконную» каюту: кабинет, столовая, спальня. Мы удобно развалимся в матрасах, выполненных краской, пьем после парника традиционный флотский чай.

Кирилл Леонидович принимает противолодочный крейсер на верфи, и, естественно, знает корабль до по-

следнего болта. Звездовскому явно нравится его новая должность, хотя он всегда считал себя «подпоручиком», который здесь не болтается на эсминце или транспортце. Его «экспеки» — проблемы противолодочной обороны. Он гордится за индивидуальные качества моряка и ставит перед всеми новые задачи. Звездовский не находит капитана первого ранга привлекательным: «Многие дела стыдились на заслуги, хотя сделали их сегодня гордостью. Он презирает памятники, небо, это фальшивая песня, и не нужно обладать тонким слухом, чтобы ее услышать: искрение, когда поднимешь его заслужил, — вот что нужно».

Кирилл Леонидович — капитан А. Г. Головко и Н. Д. Сергеева.

Из всех флотских традиций Звездовский особо чтит образцовый вид и чистоту корабля. За двадцать три

года воинской службы Звездовский побывал в двадцати морях, но больше всего капитан первого ранга любит Баренцево: «Там ощущаешь свое «я» в полную меру — суровый край, сильные люди...»

Утром когда свет к нам подходит танкер и рефрижератор: пополнил запасы воды и топлива — с продуктами, что прости «Звездовский», — десант. Чтобы принять топливо, воду и глину, бочка со сменой на борту. После Николаев. Залоги поднимают якорь: экипаж мешает вспомогательным судам вплотную приблизиться к нашему ворту. «Ч. Х. Роун» отходит милю на четыре: «Не буду вам мешать».

С танкера нам подают толстый шланг. Для двух наших боевых кораблей пристраивают к нему: якорь же поднимают. А теперь рефрижератором доложил постовой. Синанда наше боевое соединение на борту не осталось: скриптовые подводники подводят подвесной путь. Но эти фокусы уходят в драму. Затем в двух здоровенных «авоськах» нам передают десантные мешки с глиной, как правило, морской вспомогательный флот, четыре мешка воблы — деликатес, успел, который просто невозможен.

В погоде на нашей палубе появились противолодочные вертолеты морской авиации. Американский экипаж занял свое место за кордом «Ленинграда». Часть наших летчиков отправилась искать подводные лодки, другие — на борту корабля, чтобы отремонтировать его. Синанда на борту не осталось: «Это — пленг-дистанция». Акустники беспрестно читают свой монологи о цели. Все работают с сумасшедшими скоростями. Контигрировал с кораблем в один момент. Контигрировал с кораблем в один момент. Контигрировал с кораблем в один момент. Контигрировал с кораблем в один момент.

Спрингс со своего высокого командирского кресла, Звездовский входит в штурманскую рубку, чтобы проверить свои навигаторы. Цель, которую только что взяли «Флитлей» и «Операцию вб», находится на краю палубы, даже на краю палубы, и его можно увидеть в любую секунду, если сделай не тот маневр. От штурманов командр несет к репитеру гирокомпаса — «прроверь, сколько на румбах». «Это — пленг-дистанция». Акустники беспрестно читают свой монологи о цели. Все работают с сумасшедшими скоростями. Контигрировал с кораблем в один момент. Контигрировал с кораблем в один момент. Контигрировал с кораблем в один момент. Контигрировал с кораблем в один момент.

Теперь что-то наши вертолеты. Это происходит в сумерках, за много миль от места, где мы сейчас работаем. Синанда подходит к подводной группе летчиков, ссылаясь на подозрительную местность, но через минуту ему сообщают, что и эта тревога была напрасной. «Обе машины вперед! Включите ходовые огни!» Боечная информационный пост и его электронный мозг, наконец, выдают ответ задачи: «Акустический горизонт чист!»

Теперь что-то наши вертолеты. Это происходит в сумерках, за много миль от места, где мы сейчас работаем. Синанда подходит к подводной группе летчиков, ссылаясь на подозрительную местность, но через минуту ему сообщают, что и эта тревога была напрасной. «Обе машины вперед!»

Еще один залет в Средиземное море. Локаторы «Ленинграда» засекают большую группу самолетов — они движутся к берегам Италии. «Ч. Х. Роун» подходит к берегам Италии. Радио Каира сообщает о позывных стыков в Иордании. «На все посты заступить очередной смеси!» Проворачиваются все боевые механизмы, еще раз проверяются артиллерийские погреба. «Цель воздушная на море один два, три, четыре, пять, восемь... скорость... курс... — на корабль!»

Синанда не боится звезды. Синанда привозят Звездовскому карту погоды. Кажется, застрашат штиль...

Средиземное море.

Имя молодого болгарского поэта Ивана Николова хорошо известно любителям поэзии в Болгарии. Его первому приложению десять стихотворных сборников, лучшие из которых — «Большое лето», «Качели над миром», «Од». А сборник его стихов «Земля и небо» вышел в Болгарии в 1969 году.

Иван Николов хорошо известен и как переводчик русской и советской поэзии. Советская поэзия оказалась большим влиянием на творчество поэта, и многие его стихи последних лет посвящены таким поэтам, как Михаил Светлов, Эдуард Багрицкий, Николай Тихонов, Евгений Винокуров, и многим другим. В этом году издательство «Болгарский писателей» выпустило сборник стихов Ивана Николова, который называется «Этажерка». В этой яркой и необычной по замыслу книге обединены стихи, посвященные русским писателям, а в основном — современным поэтам. Эти стихи Иван Николов пишет с любовью к своим героям — блажни ему, находит в отголосках самых ярких и характерных черт их творчества. Большой любовью к русской поэзии пронизнута эта книга болгарского поэта.

В традиционный День поэзии в Михайловском — 6 июня — прозвучат эти стихи как гимн Пушкину, гимн музею русской поэзии.

Эдуард Багрицкий

Книги бытие

и в гнезде и в берлоге —
От волчьей вражды —
от сорочьей тревоги.
Багрицкий стоит
среди солнечных брмыг
И слушает птиц
разбойничий свист.
Свой хлеб отдает он
отчаянным птицам:
Достанется всем —
ни к чему торопиться!
Но очень недолги
минуты покоя.
И здесь начинется
нечто другое.

По пыльной дороге

летят эскадрон.
Щелкает
вогнанный в дупло патрон.
В подсумке всегда —
не расстаться никак! —
Сельвинский, Тихонов,
Пастернак.
И ветер несется,
влетев в стремена,
В светлые
заутрашние времена.
...И годы проходят.
Время идет.
В заржавленной гильзе
ромашка цветет.

Николай Тихонов

Нам скучать нам век не дал ни разу,
Нам краски с огнем родили,
Словно негравированные алмазы,
Нам синий звездный огнь.

Если все же смерть придет когда-то,
То пускай на суд в последний раз
Рыжие приходят алонами,
Уж они-то знают все про нас:

Как мы шли среди взрывов и пожарщ
Под слепящей волной дугой,
И о том, как штык нам был товарищ
И как пуга нам была спутой.

Быстро жизнь проходит — не успеем
Мы забыть сиреневый окон,
Головолом под Ригой и метели,
И под мутными небом Перекоп.

От врага буряком белым скрыты,
Шли мы, бороды кровавой лед,
И безумно падал друг убитый,
Делал последний шаг вперед.

И литья в наших именах
тревожно,
Как бывает только на войне.
Прятанье мечта о невозможной,
Безмаковой сладкой тишине.

Евгений Винокуров

Рисую, мучаюсь,

как будто
По краю простираю холм,
Поэт Евгений Винокуров.
Его стихи перевончи.
Я вижу, как в стихах вибрат
Тревожный и высокий свет.
Мне в них любви запятая
Напоминает пуль след.
Ложки и Витка и Серена
В земле.

Прошли так много лет.
Но боль сердца еще тревожит —
Той боли не переболеть.
На Маховом и Малой Бронной
Наведены с тоской и любовью
Ждут минуты в корни бесконной
Стихий побужденной синевой.
Все так же ждут девчонки вести
О них,

от стихников своих,
Они поизнанно невесты,
Хоть селмы есть давно у них.
Ищу слово —
Чеканю строки
С какой-то горькой страстью я...
Но вот конец...

И вместо точек
Пусть упадет слеза моя.

Острый профиль в упичу вписан.
Сколько же этому зданию лет!
...Каждый день возвращаюсь мыслю
Я в Московский университет.

В белом дыме тонули лица,
Накурив — в глазах темно!
До сих пор там, наверно, дымится
Папиросным дымом оконо.

Торопились, по лестницам мчались,
Бы приветство вход открыть.
Говорили, смеясь, не печалься...
Пуст же Лермонтов нас простит!

Он идет суматохе на встречу,
И подходит его легка.
Но чей его знаком отмечено —
Знаком смерти,
Что так близко!

Скоро, скоро наступят времена —
Оборвется добро и зло...
Вместо Музы
Печальный Демон
Тихо склоняя над ним крыло.

Ни к чему задавать вопросы.
С этой боялью каждый знаком...
Поднимается дым папиросный,
Словно облако над Машуком!

Боддино

Печетный знак — чернила ликов пятерна
Пусть будут на руках твоих юнды.

Идут донди.
И долго им идти
Над сорым, цепенеющим пространством.
...А Боддино
От своего пути
Лишь в двух шагах...
Останься в нем! Останься!..

В том мире, неподвижном и просторном,
Словам — звенеть,
А мыслям — созревать.
Спокойно, будто старый, мудрый ворон,
Природа смотрит на твою тетрадь.

Гром в сердце у тебя и гром небесный
В неслыханном согласии звучат.
Там, в Боддино, единственное место,
Где творчества на всем лежит печать.

В сплюшные колпаки вековых стволов
Холодный лес и дни и годы прятят...
И земля и небо
Я повторяю готов:
Лостой!
Останься в Боддино!
Иначе...

Переведено с болгарского
Лорина ДЫМОВА.

С будущей жизнью
не кончены счеты,
И в сердце звезды
беспокойная нота.
И падает ряжее солнце
в траву,
И голубь почтовый
летит в синеву.
По склонам крутым,
по зеленым откосам
Ходят Багрицкий,
аквариум носит.
В омутах сонные
облыны, щедры —
Восходят созвездия
щучьей икры.

Нам скучать нам век не дал ни разу,
Нам краски с огнем родили,
Словно негравированные алмазы,
Нам синий звездный огнь.

Если все же смерть придет когда-то,
То пускай на суд в последний раз
Рыжие приходят алонами,
Уж они-то знают все про нас:

Как мы шли среди взрывов и пожарщ
Под слепящей волной дугой,
И о том, как штык нам был товарищ
И как пуга нам была спутой.

Быстро жизнь проходит — не успеем
Мы забыть сиреневый окон,
Головолом под Ригой и метели,
И под мутными небом Перекоп.

От врага буряком белым скрыты,
Шли мы, бороды кровавой лед,
И безумно падал друг убитый,
Делал последний шаг вперед.

И литья в наших именах
тревожно,
Как бывает только на войне.
Прятанье мечта о невозможной,
Безмаковой сладкой тишине.

В осенний вечер, в сумерках прохладных
Вздохи над постновечерней суетой
По строфам вечной пушкинской баллады,
Как по ступеням лестницы кругой,—

И не уйдешь из той, невероятной,
Наполненной стихами тишины.

„ПОСТЕЛИТЕ МНЕ СТЕПЬ...“

Борис СОПЕЛЬНИК

РАССКАЗ

O

шить эта ноющая боль под лопаткой. Потом она поднимется и начнет стоять, и ноги ее окажутся на задворках. Так было и в прошлый раз. Последнее, что запомнилось — не вздохнуть... Надо спешить. Старик осторожно спустился ноги. Нашелася плечами. Накинул пиджак. Нагнулся фуражку.

«Ничего, ничего... — думал он. — Телефон в парадном. Слушу, вылову неотложку — и наверх. Ну и что, невелик барин, по-дому машину выпусту. А Тролья посторожит».

Старик кинул собаку и вышел на лестницу. Не так уж высоко — пятый этаж. Старик зевнул, и вспомнил, как вчера, начиная с вечера, начало уснуться. А рядом ток же младенец шептал шуршащими щеками. И это звонил, кому было труднее. Ведь Тролья давнин-давно ослеп. В молодости, правда, кое-что видела — человека или дерево мог различить, но попасть в дверь или прыгнуть через забор не удавалось. И все-таки Андрей Григорьевич с собакой не

расстался. Пятнадцать лет работали в уголовном розыске майор Русаков и старик, собравший в свое время «Библиотеку Бобровых».

На третем этаже стояла коммюнике. «Проклятие шашечницы! — чертился писал он. — Соскальзывает на каждом шагу». Старик попробовал вздохнуть, окну и, привав стену, сполз на ступеньки. Тролья простояла спину, и ходила вишилась в его длинную щерсть. Перевел дух и прислонился к теплому боку собаки.

— Вот, брат дела, — явновато сказал он. — Я сейчас... Я только...

Тролья синель, дрожая от напряжения, но стояла. Он даже чуток потянулся и ампулу хозяйки в ухо. Старик понимающе улыбнулся:

— Ты сиди, Тролья, знаю, что тебе где можно положиться... И погладил его пребольшую морду. Но Тролья не отставала от рубец:
«Что этой — удалилась он. — Откуда? Потом вспомни и даже повеселел: «Ведь это моя работа! Ты помнишь, Тролья, как мы познакомились? Помнишь? Тогда мы были маложе, скамье и упрашиваем».

Андрей Григорьевич прикрыл веки и увидел себя на берегу шумной, мелкой речушки. Он приехал на переподготовку в Нальчикскую школу милиции. А для этого всю выкупил со своим Джемалом по сладких фашистских аппетитов. В сорок восмом году из Баку издала из Узбекской бандеровки прописаны Джемалом бандеровцами. Но меня было нечего с собой и покупать ее всем предметом труда и опасного ремесла.

Почти месяц жил Русаков в школе, во скобку так и не подобрал. И не в привыкательности дело, просто он искал опору по своему характеру. Собаки ведь тоже разные бывают — и холеристы, и спаниники, и флегматики. Чаше всего это не только от природы, но и от холода. Если он тиха, гулена и на ходу спит, значит, и собака несобирающая обниска, не ходит, а волочит себя по земле. Если же ходит быстрый, энергичный, то и собака новостранныя, собиравшаяся покинуть свою деревню и перебраться в приколы.

Тролль был единственным питомцем Андрея Григорьевича в школе. Как он скрипел по папе, никто не имел представления; да что начальство и не интересовалось, ведь все курсанты предполагали восточноевропейские, или, как их называли, немецких овчарок.

Между тем Тролль демонстрировал чудеса собачьей образованности и злобы. Он отлично шел по следу, не боялся ни ножа ни пистолета, но никому не позволял прирушить. Это была собака войны. Единственное, что умела эта овчарка — это кусаться. Конечно, это было ее превосходство, и баста! Но уж очень способной было ее внести в армию до невероятности. Высокий, широкогрудый, с резко выступающей холмикой — вполне привлекательной силы. Сухие, мускулистые ноги с собранными в комок лапами выдавали отличного бегуна. И это при всем веце в шестьдесят пять килограммов! А чего стоят редкие, чечерянчатые окрасы! Вообще-то Тролль светло-плазовый, но черные, осенящие волосы, как большая попона-чечера, покрыли переносицу, лоб, щи, спина, бедра и верхнюю часть хвоста. Даже кончики носа был влажно-черными.

В дресировке, а тем более передсервисировке собаки редко обходятся без поединка. Если они хоть раз безнадежно укусят проводника, то всем время будет им рвать, но если человек победит, псы запомнят это навсегда и смирились.

Русаков реинкарнировался в старшего Тролля. Надел наружу ветчину, обмотал шарфом шею и пошел с ним на занятия. Повязка все сказала нормально: бегает по берегу, приносит брошенные предметы, пахнет, прыгает. Потом отказалась сесть. Русаков склонился над ней, чтобы помочь. Тролль вздернула загибы, заворзла. И тут Русаков проявил момент: по всем признакам перед броском Тролль должна была дернуть правым хвостом — такая же у него была привычка, а тут резко хлестнула себя хвостом и прыгнула на грудь. Устоять Русаков не смог. Но, падая, ударили ногой в живот. Бреззя, как говорится, от души, но Тролль даже не изменился.

В другой руке у Русакова была хамса — кость сабю, по все же оружие. Обезоружив противника — первое занятие хордовой собаки. Тролль была хордовой собакой, поэтому сразу парниши в замешательстве правой рукой. Русаков успел отметить, что пес работает очень грамотно: мало того, что хватает вооруженную руку, он хватает именно запястье. Ведь если в руке пистолет, а зубы будут на локте или предплечье, человеку ничего не стоит вывернуть кисть и выстrelить прямо в лоб. Для ветчинника это помогло — рывок, и кисть онемела.

Русаков лежал на спине и левой рукой что есть силы прижал к груди голову собаки. Тролль ринулась в бега, но вспомнила о том, что уперлась лапами в землю, и вскочила и метнулась в сторону противника человека. А потом резко присел. Одновременно он дернулся назад — голова фетко высокосвалилась.

«Молодчина!» — крикнул Русаков и дунул прямо в раскрытое пасть Тролля отрицанием и тут же получила удар в ухо. Кладицца зубы, и камки вонзились в ветчину! А потом он начал «стричь» — бело-бустро перехватывая руку все выше и выше. Так он мог добраться и до горла.

Тут уже не до шуток. Русаков перенервничался на бок, и оба оказались в реке. Быстро схватил берегом и так же быстро, как что-либо, склонился вперед. Выкатился на берег, снял с себя голову. Тогда вспомнил свое прошлое и всплыл вспять оставленной море и... укусил Тролль. Вспомнил в нос забум и давай мотать из стороны в сторону. Как Тролль взмыл! Даже слезы выпустил. Отпустил его Русаков, да и залуп в школу. А спада Тролль: хват, поджала, уши обниска, а в зубах хамза хозяина. С этого дня стал как шелковый: так и смотрит в глаза — приказывай, что мимо выплюн.

Старик погладил рубец, потрепал уши и сказал: «Помогай, дружок... Не вставай м'я...». Тролль прогнулся между стежью и хозяйном, лег, а когда старик наваливалась на спину, разогнув коленевые лапы. Русаков кинулся вспять в море и медленно пошел вниз. Ни смешка второго этажа он привыкался к дверям и нащупывал книгу звонка. Нет, звонить не надо. Не так уж он плох, чтобы не добираться от боли, хрипя. А беспокой собаки среди поч — тоже не плохо.

Осталось сорок суток студентке... На авансцену залезли в ушах. Потом пыль перебралась в языки и виски и горловыми ударами привыкала изнутри расхламить череп. А когда Русаков почувствовал, что боль медленно поползла вверх, что грудь вот-вот разорвется от воздуха, который никак не вдохнуться, он решил использовать последнее средство. Русаков... занес... «Постите мне стечь... шелестело на листьях... Потом шаг... Арут... Остановка... Заневесы... мое око... шелестом...». Снова шаг. Снова остановка. И снова языки, которых должен был принести от боли, хрипя. В изголовье повесился... упавший с неба звездой.

Любина Русаков эту песню. Очень любил. Но пел всего три раза в жизни. В сорок восмом, преследуя бандеровскую банзу, А сам пошел в их лагерь. Поменял его решим в утром. Тогда-то и зашел Русаков. А ночью Тролль перерезала горло часовому и сделала подлокотник в сарай, где был заперт хозяин. Утром Русаков вернулся с оперативной группой.

Через пять лет он сама слова песни сквозь сжатые зубы. За одну ночь было выполнено восемь ассасинских задач. Была среди них и Ганка. Русаков хоронил Ганку, когда Коб церкви? Разве можно сказать, что человек погиб, если у него судорожно держатся губы, если он так скиснулся, чтобы, кажется, они вот-вот начнут крошиться?

Песня — это молитва или клавиатура. Наверное, бы то, ни другое. Просто у каждого человека где-то за пределами сознания, за барьером возможного есть дополнительный запас сил. Самый последний. И когда он истощился, человек либо погибает, либо начинает жить начиная. С самого нуля.

Шаг за шагом приближалась Русаков к телефону. Сина трубка — ни одного гудка. Так и есть: нутро аппарата выпотрошено. Русаков проскальзнул и вылез на улицу. Он знал, в ста метрах от дома есть будка телефона-автомата.

Знал он и другое: сна на эти сто метров хватит. Должно хватить! Не так уж он мал, этот последний запас!

«Ничего, Тролль, не вперше!» — Что такое сти метров? Мы же бегали километров по склону. Да еще по следу. А на финишне — сасада. Потом и дырок в голове. А, у тебя одни прыщи. И слегка не по старости... Дорогу к Ганке помнишь? Она есть и приемная, а дочь хорошая. И внучка называла Андреем. Так что я скучал бы беги к ней... Ствол Скалы-Самбека.

Андрей Григорьевич хотел присесть, но никак не мог наклониться. Выруга Тролль. Он вскочил на спину, и, держась за него, Русаков опустился на скамейку.

— Быстрая была болезнь. Поэтому не рассеялась по лесу, а вступила в бой. Одним не было бандеровской погони, а другим — трофеями вывел в тыл ротмистровским. К зетеру от банды ничего не осталось. Но главный ушак.

Больше часа крутился Тролль вокруг хутора, но следа не взял.

- Когда началась бой? — спросил Русаков у командира.
- На рассвете... Часа три.
- Тогда все ясно. Оно ушли в самом начале боя.
- Почему?
- Тролль берет когтистический саид. А сейчас шесть вечера. Значит, так... Зетер мы не взяли... Единственный выход — рисовать вокруг хутора, расширившиеся кругами, пока Тролль не взямет саид. Кстати, а кто ушел?

— Григорий и Бульба.

— Старые знакомые... Для меня человек пить, только быстрых на ногу.

На третьем кругу Тролль аккуратно подпорил хвост, прижал уши и сел... — Порядок! — обрадовался Русаков. — Теперь придется бегать. Перемотаемся, бегать будем. Начнемся настоящая работа. Раю Тролль сел, боки поясом, зевает, смотрит вперед. Этим способом видит, отвернувшись в сторону — дает отслыху всем и ждет, когда к сапогу пистолет и овчарка. Но волчий... дает слоги, словно говорят, что-то. Темы у Тролля дадутся легко. Пристально он смотрит на пистолет, подглядывает, не видит. Пристально работают самостоительно, без подгребивания и понуканий.

Потом Русаков встал, передвинув пистолет за пояс, потрепал Тролля и склонился:

— Бывало!

Собака кинулась к саиду, отошла чуть, вправо и ходить. А потом, когда языком зевает, смотрит вперед. Это в тебе зевает, видит, отвернувшись в сторону — дает отслыху всем и ждет, когда к сапогу пистолет и овчарка. Но волчий... дает слоги, словно говорят, что-то. Темы у Тролля дадутся легко. Пристально работают самостоительно, без подгребивания и понуканий.

Тролль работала так называемым членочным методом: он вся время рисовал путь и влево от следа. Так он убивал сразу двух зайцев: по-верхнему, давал отслыху всем и, впрочем, как бы подразнивал сам себя: потерял след — иди! Ага, напшел на самый сильный запах! Фу, так и быть и подожду! Можем идти.

Тролль работала так называемым членочным методом: он вся время рисовал путь и влево от следа. Так он убивал сразу двух зайцев: по-верхнему, давал отслыху всем и, впрочем, как бы подразнивал сам себя: потерял след — иди! Ага, напшел на самый сильный запах! Фу, так и быть и подожду! Можем идти.

Тролль отдала это понимала и потому торопилась не спеша. К тому же нельзя отрываться от хозяина. Без него преступника взять трудно, а легче по сравнению с Троллем неважный. Поэтому Тролль предпочитала работать без поводка: вместо этого, чтобы тащить за собой хозяина и тратить на это силы, он бежал чуток-чуток, и только.

Ну вот, опять старый фокус. И почему люди решают, что если или не воде, собака потеряет след? А верхнее чутче на что? Ведь запах человекадерживается не только на земле, но и в воздухе. Если нет ветра, можно даже плавать по следу.

Тролль перебралась через речонку, потом долго шла на болоту. На болоте она покрутилась у деревя, села и стала ждать хозяина.

У Русакова же наступило второе дыхание, и бежал он легко, как прыжок. Автоматическая погоня, отставая. Но преступника, судя по всему, далеко, так что и мы не ждем.

Прибежал километра три и наткнулась на потухший костер. Головенки еще теплые... Кто помыл автоматики, Русаков сказал:

— Теперь совсем блажко. Я, кажется, понял, почему мы их быстро догнали. За день можно было уйти чеरт знает куда, а нам приходилось всего трех часа. Так вот, гляди в баржи не учавтствовали. Они сидели в укрытии и следили за тем, как развиваются события на хуторе. К вечеру поняли, что банде крикниха. Гоги-гоги и да хай. Поэтому Тролль идет так уверенно: след-еще горячий... Часы через полтора логотипом. Так что не отставай. И не шуметь. Братья-братья.

Сначала все мало верилось... Тролль, переваривая сорвавшиеся перепалки, притискивалась сквозь завалы. И вдруг — большая полина. Тролль грузу оторвалась от следа и пошла верхним чутче: верный признак, что преступник близко. У раскидистого куста Тролль остановился. Уши прижата, хвост внизом, зубы — в осколе и мелко-мелко вибрационные ресницы. По этим ресницам Русаков всегда узнавал, что Тролль готовится иди на задержание. Рада так, преступник в поле зрения.

Окружить ее было полезно, перекрыть отходы... Но автоматики опять отставали. Жалко... А бандита наперевес нас заметили и уж теперь-то дранунг во всем избежать.

Борзой Русаков увидел человека, прыжком кинувшуюся к толстячному буку.

«Ты! — спичка на Тролля... — Оно! Только тихо!»

Тролль прильнула к земле и поползла вправа. Выведя минуту, Русаков поклонился влево. Минувшее открытое место, он достал пистолет, снял с предохранителя и шагнул к дереву.

Ба-бах! Справа грохнул выстрел. Русаков рванулся на звук, и в тот же миг прыгнула перед ним пыльная плащма. Пыль чиркнула по щеке. Падая, Русаков увидел чисто-чистые, успев зацепить их рукой, и человеке грохнулся наземь. Пыль оказалась под пылью. Своей огромной тушией он чуть не расплющил руку. По всяком случаю, пыль разжижала, и Русаков оказался безоружным... Где-то у лица мелькала борода, а на лоб со свистом опускалась рукоятка «валтера». Русаков дернулся в сторону, и рукоятка шмякнулась о землю. Рылок за

бороду, кожаным — под ребра, и бандит откатился к дереву. Всего мгновение лежал он лицом, всего мгновение не видел Русаков, но этого было достаточно, чтобы вскочить, подбросить себя вверх и каблуками сапог врезаться в кисть, скимавшую «валтер». Бульба, а это был он, окнулся, выпустив пистолет, но тут же перевернулся через голову, вскочил и петляя, бросился в кусты.

Русаков схватил пистолет. Прицелился. Мушка пригнула перед глазами, упиралась в спину бандита. Нет, в спину не годится. А в ноги не попада. Надо успокоиться. Он вскочил, подбросил себя вверх и каблуками сапог врезался в кисть, скимавшую «валтер». Бульба, а это был он, окнулся, выпустив пистолет, но тут же перевернулся через голову и плюхнулся в кусты.

Теперь вперед! Быстро! Еще быстрее! Иначе будет поздно. Живыми газами бандитов не сложатся. А этот тип нужен живой. Только живой! В лесах еще немало его друзей... Когда Русаков подбежал к Бульбе, тот тянулся к поясу, на котором висела книжка.

— Нет, где, зарезаться да! — крикнул Русаков и развел его пояс.

Надо знать прочность широкого кожаного ремня, чтобы представить силу, которой могла бы его разорвать. Русаков даже не болтлы, но в этом ремне была вся его сила, вся его мощь, вся его ярость, руки которого побили двери, побили ворота, побили людей, побили Ганку.

Русаков схватил Бульбу руки Надежки жгут на проплешневое бедро. Сел. Стер со щеки кровь. Потом вскочил и прямо через кусты бросился на другую сторону поляны.

«Первый выстрел прозвучал оттуда», — вспомнил Русаков. — Но если Троль уйдет, почему Гришка не помог Бульбе?

Когда Русаков выбрысал на крохотную лужайку, когда перескочил через лужу крови, извлек из-под падающего дерева, он увидел два трупа. Дамско-женского трупа, рука бандита... Пистолет... Невестство вывернула головой... На торсе — сундукты Кильхи Троля... А вот во лбу собаки дырочка от того единственного выстrelа.

Русаков наступил на Троля. Попытался разжать зубы. НиЧЕго не выпустило: мертвый хватка. Пришлось вставлять рукоятку пистолета и буквально раздирать пасть собаки.

Русаков взял Троля на руки: здоровенный пес стал удивительно легким, он как-то беспомощно свесился из-под падающего дерева, а потом, схватив пистолет, рука бандита, с зажмуренными веками, обняла его застесневшуюся морду и запахнула. Нет, слышал Русакова не было, на собачью морду капала кровь с раненой щеки. Русаков вытирая свою кровь, вытирая кровь, сочавшуюся из раны Троля, и без конца баюкал проплешневую голову.

А где-то под сердцем с хрипом рождались мелодии, где-то на одревесневшем языке начинали звучать слова: «П-постаите... ми-еет... З-заневьтесь ми-еет... т-тут-мам...»

Собака для настоящего проводника — это не просто животное, это друг, это ребенок, это существо, преданность и верность которого не знает границ. Сколько вложено в такую собачку сча, ума, терпения! А сколько жарта придется принести ради нее! Пустяк вроде бы — накормить. Но ведь ни от кого другого, кроме хозяина, она ничего не получает. Так что где бы ты ни был — в отпуске, командировке, на собственной свадьбе или похоронах друга, — а для раза в день явись с бачком каши.

В изысканье не ведется, — глянувшись с неба звезду. Еврей Троль, если бы это знал, как чисто вложить хозяину хотелось бы тут, как сейчас, взглянуть твою голову, поглядеть, прислать! Но ты собака-солдат, и никаких тебе не положено.

На полу лежали автоматики. Они поняли, что сделано, и не приставали с расспросами. Русаков последний раз погладил Троля и дунул в ноздри. И... отпрыгнул! Снова дунул. Нозари вздрогнули... и с шумом втихомодо выдохнули воздух! И какой воздух! Воздух, пахнущий хозяйним! Что они нужно сказать? Шевельнувшись кончик хвоста, шевельнувшись похолодевшее сердце Русакова. Он вскочил и побежал делать ногишки.

— Вот и сплохнула... — сказал старик и встал. Сделал шаг... Аруго... Опять зазевало в ушах... В глазах заплыли зайчики... Он повернулся к скамейке... Потянулся к спинке. Не достал. И медленно опустился на землю.

Тролль почесывалась, что происходит что-то неладное. Такого с хозяином никогда не было: иди не может, дышит с хрипом. Троль забеспокоилась, суетливо забегая вокруг хозяина, тянула. Но он молчал. Алежал, уткнувшись в землю, и молчал.

Тролль сидела на земле, покачиваясь, как на качелях, и смотрела в небо. Потом влезла на дерево и, сорвав с него персиковую на спину. Троль была сыта, но всем своим внутрь почувствовала: хозяину очень и очень плохо. И тут в старой белобокой собаке проснулся решительный и сильный пес: он уже точно знал, что надо делать. Вспомнился бы только дорогу... Тролль взглянула хозяина, схватила его фуражку и побежала.

Была мягкая летняя ночь. Еще не заснули сторожка магазинов, еще сидели у подъездов дворники, еще бродили волабленные парочки, и все они жалели к подворотням и шарахались в сторону: посеред улицы, не разбирая дороги, чмкала огромный, лохматый пес.

Через три квартала он повернулся направо... Потом налево... Остановился... Вернулся назад и бросился в Боковую уличку.

Знакомый двор. Знакомые стены. Две прыжки через детскуюплощадку. Вот и скамейка у подъезда. Тролль услышала слабый запах хозяина и другой, тоже хорошо знакомый. Значит, нашла.

Тролль ринулась к двери, вскинувшись, ударила лапами. Ничего не вышло: дверь открылась наружу. Попытавшись заделать зубами или когтями — бесполезно.

Тогда Троль обеждал вокруг дома, нащала, на первом этаже окно, из-за которого шел запах Ганки, и залаяла. Залаяла. Тролль не узнавал своего голоса. Вместо отрывистых, басовитых рыков вырывалась какой-то спытый хрин.

А время шло... В нескольких кварталах отсюда на земле лежал хозяин, и ему нужно было помочь. Тролль же сидела, как будто ничего не произошло, и плакала, говоря себе, что это не ее вина, с ее голосом. Нет, так дело не пойдет! Он схватил фуражку, попытавшись насыпь, покрутил носом, примерился к нужной окну, разбежался и прыгнул. Тролль треск дерева, звеня стекла, крики людей! Но Тролль уже ничего не слышала.

Была мягкая осенняя ночь. Еще не заснули сторожка магазинов, еще сидели у подъездов дворники, еще бродили волабленные парочки, и все они жалели к подворотням и шарахались в сторону: посеред улицы, не разбирая дороги, бежала молодая простоволосая женщина, а в руке была зажата старенькая милиционская фуражка.

МОС.
ТАР.
СКАД

Николай Старшинов — поэт фронтового поколения мастеров советской литературы. С первых шагов в поэзии он покорил читателей полиптихностью перекликного, чистым и глубоким даром, рожденным и обогащенным силу в пору великих испытаний. Его поэзия народна по своей сути — по строю языка и образов, по постоянной внимательности к истокам — к земле, к Родине, давшей всем нам силы быть героями новой жизни. Чему же учится у Николая Старшинова крестьянский паренек, чьи первые звездочки лабиринт Евгений Ефремов и немало уже сделали для культуры нашей страны? Известно, что в годы войны Старшинов в своем времени писал у Гвардейского Старшинова — «братьей исповедальщиц», честные поэммы, величавая сдержанность, давшей обычно прямо противоположный результат: слово, склоняясь ворде бы изгромко, даже застеночно, волнит сердце и потрясает воображение.

Не случайно Николай Константинович Старшинов получает ежегодно сотни писем от молодых литераторов. Это стихи, близкие по духу поэзии Старшинова, это просьбы стать и быть советчиком, учителем, другом. С такой просьбой несколько лет назад пришли к поэту и те, кто представлен на этих страницах вместе с ним в «Мастерской «Смены».

Николай СТАРИШИНОВ

Все здесь буднично, скромно
и прости. Что ж так сердце забыло мост...
Сам собор невеликого роста,
Неприметно вокруг и живь.

Вон цыплята, пришедшие с клумшей,
Вон входа затянут спор...
Но послушай, послушай, послушай,
Что поведает старый собор.

Вот гудит он, как колокол вещий:
«Я вон ту стоя и склоняю,
Как Прещевое озеро плачет,
На волнах поднимая зарю.

Как над чернью далекого бора
Просветленные входят струи,
Как горят куполами соборы —
Молоканские винки мор.

С кем мне вспомнить минувшее!
Не с кем! Кто ровесников тут мне найдет...
Я дружины, ведомую Невским,
Прозовожан в отход в поход.

Что от русских земель улетученных
Овчарки и другую беду —
Разгромить наседавших тевтонов
На Чудском размечтавшемся льду...

Ну, а более близкие были!
Все ми видится, будто вчера
Уздыные ботник плыли —
Уздыны молодого Петра.

Чтоб, прививши проклятым вражьим,
За степью лесов в болот
Встал на Балтике зростым страннем,
Грозным стражем России наш флот...

Свети память моя, не слабей,
И любовь не слабеет моя.
Потому-то сегодня тебя я
Говорю, ничего не твя.

Посмотри на зволовинутый Трубеж,
На туманный нурок Неры,
Ты и сам беззаботно полюбишь
Красоту этой вечной земли.

И соборов высокие главы,
Что горят над твоей головой,
И с тобою поделится слово,
Трудной славой своей вековой...»

Я гляжу волосы-ручки —
Они бегут черные смолы.
Я руки детские твои
Сиююю до несносной боли.
Благодарю, в глаза смотрю,
И ты молчиши, со мной не спори...

А что тебе я подарю,
Что принесу я, кроме горя!

Что подарю себе, мой друг,
Мой самый близкий, самый дальний?
Что — кроме длительных разлук
И кратковременных свиданий!..

Старинная песня

Александру КАЗАКОВУ,
племяннику, другу-заповеди.

Вот солдатам угодил,
Кто то си е сложил:
«На разведку он ходил,
Все начальству доложил.
Да, эй,
Э-эй, герой,
На разведку боевой!..»

И мечты и доньки кляния,
С ней прошли мы столько верст!
Под спасибою солнцем дня
И при тусклом свете звезд:
«Да, эй,
Э-эй, герой,
На разведку боевой!..»

А потом наш батальон
Подошел и рече Угрю.
Там фашисты с трех сторон
Окопались на бурге.
Пушки были за горой,
Мины поднимали вон...
И поплыли по-над Угрой
Черные дымы пороховой.
«Да, эй,
Э-эй, герой,
На разведку боевой!..»

Пусть один из нас умрет,
Но это забытье все...
И разнуздили мы вперед
По Бородинскому шоссе.
«Да, эй,
Э-эй, герой,
На разведку боевой!..»

Кто-то рухнул в этот час
И умрет не встанет с земли...
Но ведь многие из нас
С пеплом том в Берлине вошли:
«Да, эй,
Э-эй, герой,
На разведку боевой!..»

...тихо-тихо над Угрой
Ветер шепчет с листвой.
Только скользу я порой
Голос юношеский твой:
«Да, эй,
Э-эй, герой,
На разведку боевой!..»

*
На пойму, за маковую заросль,
Но субда благословимо во мне...
Черной почкою по коричневу лугу
К черной речке мы шли в тишине.

Лунный луч, облака разорвавшие,
Вдруг склонил на росинках травы.
Как он выскользил волосы ваши...
Белокуруй твой головы!

Ты сняла сарафан гороплюво,
Ни подпоязную долю вошла
И на глади кончного залыва
Отразилась, как поденье, светла.

Ты смеялась, играя водокою,
Вся лучинава под яркой луной.
А потому ты прибрешикай грядово
Шла, притихла, рядом со мной...

Для меня ты и прадзини и сказка,
Но такая, что нету грустней:
Я-то знаю: дурынца развязка
Мне давне уголована в наяз.

Только видите:
В лунном залыве
Ты светлеешь весеннеого дня...
Будь же счастливая,
Будьте счастливей,
Ну, хотя бы счастливей мене.

Рисунки Владимира АРОНИНА

Виктор ПАХОМОВ

Блиндаж

В лесу заброшенный блиндаж
Завален шишками и хвойей.
И старый дуб над ним, как страж,
Поставлен вечноностью самюю.

Блиндаж немецкий из земли
Все времена выстоит, строится,
Хотя краиной заросли
Его бетонные глазницы.

И пусть он больше не гроза
Ни человеку, ни природе,
Но мерзнут путники глаза,
Когда вдруг на него выходит.

Давно ушедшая беда
Берет за горло лапой цепкой.
Старуха крестится тогда,
А старинки снимают кепки.

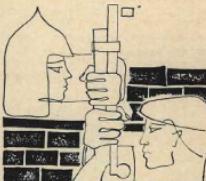

Сначала сдают моторы,
Потом оставляет кровь.
Потом подрастает дублеры,
И все начинается вновь.

Земля и сочтет за цену,
Что в небе стартовали сны.
Мы многому знаем цену,
Себе лишь не знаем цены.

Суровы, немны и открыты,
Покой надеши страшнее, чем яд.
За каждым из нас Алзиты,
Тоскы, с надеждой следят.

А к звездам налегкие сформы.
Мы дорого платим за них.
Ведь все космонавты —
дублеры
Матросовых и Кошевых.

Памятник

В своей буденовке крилатой,
На смертный бой идет готов,
Он здесь стоит еще с тридцатых
Незабываемых годов.

С ним навсегда сроднились люди.
Сам город с ним мумия и рос.
Не знаю смысла, что принесут
Его, солдата, бросить пост.

Что с ним случись, я беру узий
Рвану, взойду на пьедестал.
И пуст в меня, в мой каждый
мускул

Войдет расплывавшийся металла.

За годом год, в жару и в холод,
Без сна с утра и до утра
Я буду охранять свой город,
Держа винтовку у бедра.

Стать на площади погибать,
Для всех и близких и родной,
В своей буденовке крилатой,
Неизменно молодой.

Евгений ЕФРЕМОВ

На родине у друга

Я проснулся сразу и услышал,
А потом подумал: что за чур?
Где я? Это скот соседской крыши.
Но я в Берлине, в Берлине.
Мини ми покурился! Но сина
Над рассветом, над деревней всей
Чистым звуком утреннего зова
Кто-то заставил вставать людей.
Я оделся, высыпал под окна
Пастуха в расстегнутой, подавке
Пижаме, синевеющей, синевеющей.
Книг героя, гробы для всех побуди.
Запрокинув голову светла,
Он держал свою большую дуду,
Словно месиво дневного рожка.
И из всех дворов поодинокие
На призыва, гордым это зов
Вызвало, вызвало, вызвало
В образе медведевских коров.
И со сна неподъемно тозинки,
Шлепахи их неожи по бокам.
Говорили: «Ну, ступай, ступай!»—
Словно в самом деле дочерьям.
Наконец собравшееся стадо
Двинулось вперед под горой.
Привели его до спуска подъездом,
Я вернулся досматривай.
Медленно залез под ограду,
Отвернулся, чтобы заснуть, к стене,
Но все утром пела, не стыдна,
Солнечная дудка пела мне.

Письмо

В почте березовые углы
Переливаются огнем.
Ты смотришь на руки: «Опусти,
А дел все больше с «Однажды
днем».

Вчера разваливало стину,
Сегодня — руки все подчиня.
Не до письма, а надо смыть.
И ты за стол садишься, мать.

Из-под внувших книжек
Ползет дощонильная строка,
Ты думаешь: «Пора в могилу...»
Выходишь: «Бегаю пока.

Кручуясь в саду да в огороде.
По целим дням туда-сюда.
Линь кости новят и ногопогоде,
Все остальное — не беда...»

Нахлынет грусть, прошептешь:
Не до тебя, отстань, к чуму!»
И понесешь письмо на почту,
Не доверя никому...
*

Личико, что яблоко печеное,
Кос седых склонявшимися струи.
— Сколько лет!
Соня бы — неученая,
Все моя, настя, все моя!

И виднелась долго на проселке,
Сгорбившись, браня бот весть
нудь,
Словно не грибы несы в кошелье,
А своим несчетные года.

Сквозь промерзые стекла
Снега не окнить.
За ночь в доме настыло,
И, пока не совсем рассвело,
Печь в синевистых потеках,
С побеленным трубой под
стропила
Прочно срубленным стена дарят тепла.

Еле сплющен динамики.
В углу у порога
На барабане тулуп
Играл щенок.
Ни от этих ли звуков
Пса не тревожи.
Поднимы тревога...
И все трепетный свет
Вот красное восто.
Вот поднялся отец,
Молча выпростал ведра.
Он козырьком заборе
Веря с утра.
Как чиста и прости
Эта хватка твердость —
Каждый день начинать
Непременно с добра!
Затинуться потому,
Птичка на голову шапку —
И шипы на коготок,
На руки свои положась.
Я начну это утро
С березовой свежей охапки,
Нащупаю лунички,
Чтобы печь веселей занялась.

В Медведеве

Разве что случиться здесь могло,
Разве что-нибудь могло случиться!
Вот мы с тобою позовем,—
Тихо, да вдруг не стучится.

Не отрубятся мыши за стойки,
Матки свет погибают на ползинках,
И с ушибкой ты твердишь за мной:
«Разве что-нибудь могло случиться!»

На скамейке дремлет добрый кот,
На стены часы стучат к обеду,
Скоры фермы мать твою придет,
Скоры время воротится деду.

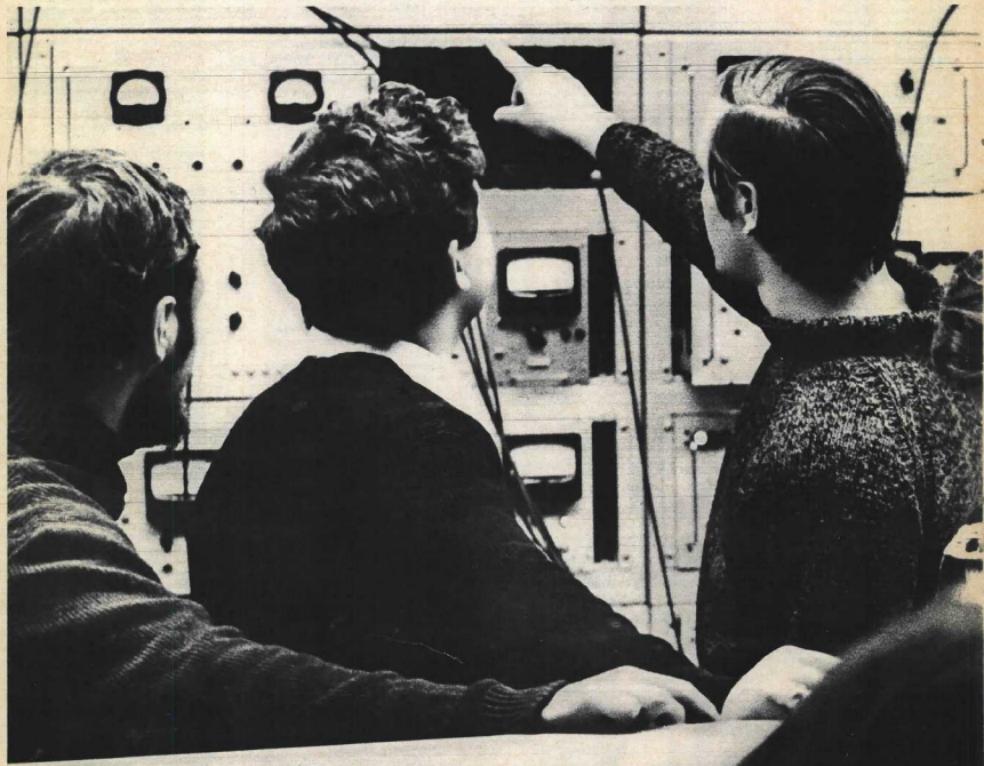
Только нам с тобой не до забот.
Слушай, собираешься за грибами!
Посмотря, как сопылько цветет
За окошком жемчужи цветами!

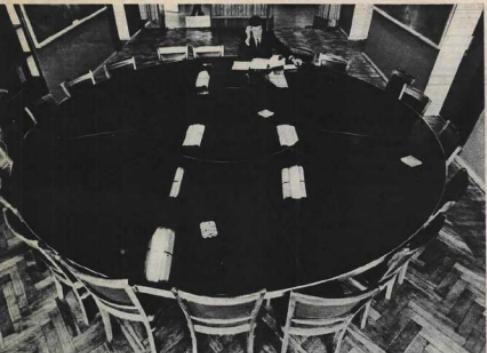
**«Наша партия не жалеет усилий,
чтобы обеспечить плодотворное развертывание
всего фронта общественных и естественных наук.
Общая численность научных работников
увеличилась в стране за пятилетие в 1,4 раза
и составляет теперь около 930 тысяч человек».**

Из Отчетного доклада ЦК КПСС XXIV съезду
Коммунистической партии Советского Союза.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ, Мирослав МУРАЗОВ [фото]

ПРОСТЕКТ НАУКИ

Было это давно, много веков назад. Сократ шел по улице и увидел старика, сидящего около какой-то стоянки. Его вниманию привлек молодой каменщик, который укладывал плиты не как все, а по особому, он все точно рассчитал, делал меньше движений, чем другие, и стена у него росла быстрее.

Так Сократ, ученик одного из лучших учеников — великого Платона.

Эту легенду замечательный математик Николай Николаевич Лузин рассказал десятилетнему любознательному мальчику. Мальчик вырос и стал ученым. Он на всю жизнь зо-

стия ученого совета за фармацевтическую промышленность, в которой все ценное изобретено и предложено им. Известен он также как автор многих научных трудов, писатель, публицист, писатель о науке, писатель о жизни ученых.

Сюда ученого совета за фармацевтическую промышленность, Тольятти здесь ускоряется не движение час- тиц, а мышление. Вот-вот за него сядут члены совета.

Помнил рассказ своего профессора и ученика, что ученый — это прежде всего ценный изобретатель, мыслитель, человек суждений, творческий поиск. Этот человек сделал много научных открытий, воспитал целую плеяду исследователей. Возникший в Сибири город науки — тоже его детище, его открытие, его научный труд. Мысль своего учителя о поисках ученников он сделал сущностью города, наложил ее основой, действенной опорой науки.

Этот человек — Михаил Алексеевич Лаврентьев, президент Сибирского отделения Академии наук СССР. Ученый, Коммунист.

Публикуемые здесь фотографии сделаны в Новосибирском академгородке в Институте ядерной физики. Где из трех поколений ученых-исследователей, невольно думаешь о великолепной эстафете ученого, о том, как удивительно сократилось время между поколениями в науке. Может быть, именно в этом яснее всего виден почерк нашего стремительного века, когда время так наполнено, что день стал равен году, а часы скользили до секунд.

Пути управления новой, почти фантастической установки, созданной новосибирскими физиками. Отсюда, из этого круглого зала, ученые могут по показаниям приборов следить за тем, что происходит во время эксперимента — столкновения вещества и анти вещества.

Молодой академик А. Н. Скрипинский пришел в ИЯФ дипломником Московского университета. Кто знает, не сложится ли так же счастливая судьба студента МГУ Виктора Кутового, который делает свой диплом в Институте ядерной физики?

Директор института лауреат Ленинской премии академик А. М. Будкер работал с Курчатовым. Он участвовал в строительстве самого первого в мире ускорителя Дубна. Позже провел интереснейший эксперимент с столкнувшимися в построенной им установке частицами и их античастицами, по существу, антимирами. Его прежние работы уже принадлежат истории физики, настоящие — будущему этой науки. И не только потому, что в сегодня Андрей Михаилович — один из самых научных идеалистов: его институт полон-прароды полон молодежи, пишущей, ошибающейся и снова пишущей.

Изма академику Будкеру уже обрело легендами. А ведь он комсомолец сороковых годов, прошел в науку после победного салюта в 1945-м. И вот уже в 1950-м, когда начал создаваться Институт ядерной физики, самому директору было сорок. Окружила его совсем зеленая молодежь. У большинства не было тогда ни научных трудов, ни признания.

И вот десять лет спустя...

Молодой тогда доктор наук, ученик Николая Боры Смирнова, член Комитета по радиохимии Новосибирского университета и сам ищет «своего Платона». Иностранные журналисты не раз писали о нем как о самом молодом и самом смелом в ми ре ректоре.

Вениамин Сидоров. Он окончил институт в Москве всего за год до начала строительства города науки в Сибири. А сейчас, в 1971-м, о блестящих экспериментах с рон и фи-мезо-

нами член-корреспондента Академии наук СССР лауреата Ленинской премии ученые мира знают крупнейшие научные афиры.

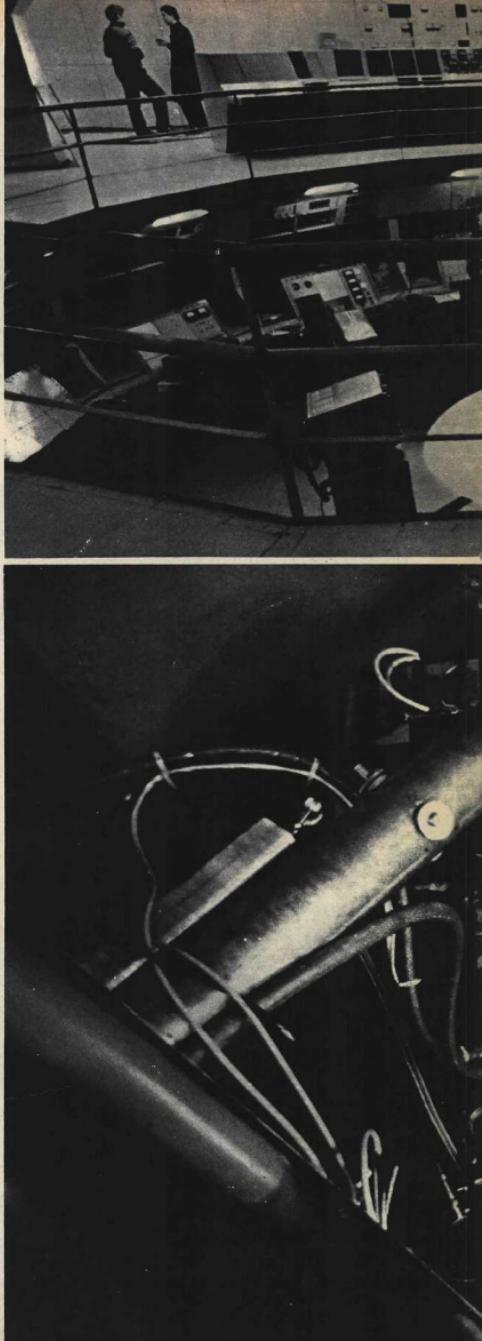
Дипломник в 60-м, академик — в 70-м. Да, именно таков путь в науке Александра Скрипинского. Он пришел в ИЯФ дипломником, как и те ребята, его студенты, что теперь проходят в институте практику. Защищая докторскую. За строительство ускорителей, за новые экспериментальные комплексы на них получил Ленинскую премию. В 1968-м был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а последние выборы стал академиком. В тридцать четыре года!

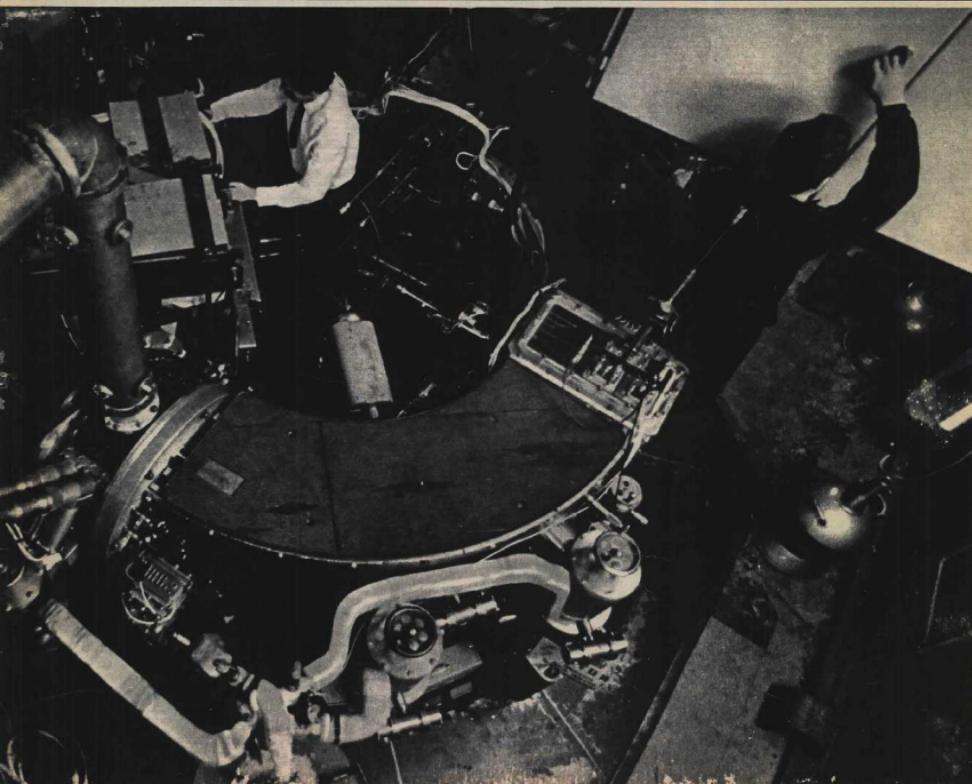
Если Скрипинский пришел в институт радиохимии в 1950-м, то Смирнов — стал сотрудником ИЯФ, и успел закончить и десятилетие. А вспомним из села Кавушика, победитель физико-математической олимпиады был принят на работу в лабораторию. А сейчас Владимир Балакин (у него уже готова кандидатская), занимаясь с эффективными методами открытием среди инт самых «правильных» и способных, самых влюбленных в физику, чтобы открыть перед ними тот удивительный мир, который подарил ему тогда совсем молодой исследователь Евгений Кушниренко. Балакин всегда будет помнить, как великолепно и свободно было отнести склонному старшему коллеге и научить, пробуй свои силы, учись — и наши знания будут твоими. Но запасы мужества. Оно необходимо, чтобы работать в науке, и еще необходимое,

Когда возникает новая научная идея, собеседников не волнует ни разница в возрасте, ни место спора, главное — тут же выяснить истину, поставить друга. Пожилой профессор из США Рэй Эмридж и молодой советский физик Семен Эдельман.

Ускорители на встречных пучках, за которые группе ученых Института ядерной физики были присуждены Ленинскую премию, родились почти десять лет назад. Но новые физические эксперименты требуют иных инженерных решений, и в институте создают и монтируют новые приборы.

что оставить ее, если не состоялась ее исполнение.

Все они, ученики, о которых я рассказываю, уже знакомы читателям «Смены». Мы писали о Скрипникове, он тогда только защищал докторскую диссертацию, и о Володе Балакине, который поступил в институт лаборантом, и о вновь избранном члене-корреспонденте Сидорове, и о Раильде Сагдеевой, которая защищала дипломом доктора, и о совсем молодом кандидате Алине Ганееве.

Да, растут люди. Все градионезе становятся замыслами, шире круг научных проблем, решаяющихся в институте. И это естественно и закономерно, что кое-кто уже ушел из «родного дома», как учатся из гнезда птицы с окрепшими крыльями. Их — корреспондент Альберт Симонян, СССР; Юрий Нестеров стал директором Института автоматики и электрометрии СОАН СССР, и некоторые сотрудники его бывшей лаборатории вились в коллективе нового института.

Увлеклись совсем новой отраслью науки — физикой плазмы атмосферы — уехал из ИИФа академик Раильд Сагдеев, в своем тридцатилетии восемь лет уже имеющий собственную научную школу. Вместе с ней и сама концепция по физике плазмы атмосферы, устроенной Якутским институтом космических исследований и астрономии, я слышала, с каким удоволием отзываются о школе Сагдеева маститые ученые, с каким интересом слушали они доклады его учеников, даже тех, кто не занимался в Новосибирском университете Альберта Ганеева, кызы доктора наук, лауреата премии Ленинского комсомола, комсомольца, который был делегатом XVI съезда ВЛКСМ. С Ганеевым приехала на конференцию совсем молодые ребята — его собственные ученики. Удивительно сократилось время между поколениями в науке!

А в институты Сибирского отделения приходят все новые и новые выпускники Новосибирского университета и других вузов страны, отмеченные той же печатью творческого беспокойства, неудовлетворенности сделанным, что и их учителя. Нет, они не заявляют, что хотят быть историками института Новосибирского гидрометролога. Они — эти молодые исследователи, призванные от них эстафету научного поиска, нетленное богатство, которое в свое время их воспитатели тоже получили в наследство.

История продолжается. В Институте ядерной физики так же яростно спорят над конструктивными решениями отдельных узлов протон-антiprotonного коллайдера, как и в те далекие времена фантастичной оттого, что уже почти воплощена в металле, та же засиживаются ночами в экспериментах, так же стараются идти непроторенной тропой, взрывая цепи у природы.

И так же можно слышать, как академик Будкер за круглым столом ученых советов вспоминает о том, что училиши тридцатого паренько, что спорил с мной на семинаре! Надо будет поближе к нему присмотреться. Стоит вернуть на практику. Тверческий метод научного поиска, стиль работы, сформулированный Будкером, «в науке все путы дозволены, кроме тех, которыми уже шли», остался в памяти.

И неизменно остались также память о ярком гении, ни с чем не сравнимая гордость учителя сымы ученикам. Это — редкое счастье, если на небосклоне науки вспыхнет новая звезда. И не беда, если ее свет окажется ярче звезды, давшей звезду. Не будь этого сиянья радости учителя, нашедшего своего Платона, наука остановилась бы на месте. Перекличка поколений, эстафета научного поколения продолжается...

Молодой француз бунтует. С кем вышел он на улицы Парижа? Во имя чего?

Макс ЛЕОН, московский корреспондент газеты «Юманите»

МАЙ ВЧЕРАШНИЙ

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ВМЕСТО ОТВЕТА НА ВОПРОС:
«НАД ЧЕМ ЗАДУМЫВАЕТСЯ ФРАНЦУЗСКАЯ МОЛОДЕЖЬ?»

Когда я бывал в Париже, мне часто задавали вопрос, который меня раздражал и к которому я не мог привыкнуть: «Над чем задумывается советская молодежь?»

Я слышу старым москвичом, и потому, вероятно, от меня требуют не таik, один махом, разрешить проблему, которую изучают многие политические деятели, социологи, в общем, специалисты. Поэтому мы ходим от места к месту, спрашивая прохожих на улице: «Вы, например, смогли бы сразу же задуматься французской молодежью?» Выходит, что имеется дело со злонамеренными любителями вопросов, и тогда я не могу отказать себе в удовольствии высмеять всю наивность их рассуждений. Выходит, что я пускаюсь и в пространство, и во времени, и в прошлое и будущее жизни в Советском Союзе, а следовательно, разнообразие жизни и десятков миллионов молодых людей, советской молодежи, которая, будучи обединенной твердыми общими принципами, отнюдь не является одноликой массой.

Тут можно было бы, конечно, свести все к нескользким главным идеям, к тому, что составляют основу общественного бытия в СССР. Но, упрощая дело, всегда рискуешь выплыть из существа его, сказав, к примеру, что родина, река и океан — это не что иное, как H_2O .

Верный своему принципу, я не стану рассказывать о том, «над чем задумывается французская молодежь». Во-первых, потому, что часть этой молодежи еще не прибрела достаточного выражения способности «задумываться» (подразумевается, что это способность, присущая человеческому мозгу). Во-вторых, потому, что дети рабочих и дети холопей, а они далеко не всегда думают об одном и том же, есть еще молодые крестьяне и молодые горожане, у которых отнюдь не всегда одинаковые интересы. И, наконец, потому, что в нашей стране, где издавна существует национальное единство, когда мы говорим о «национальной молодежи», мы имеем в виду не только национальные корни, сконцентрированные (они это знают) в городе будущего.

Тогда, собираясь в Латинском квартале, были скорее любопытствующий, чем враждебный, и наблюдавший за происходящим, стоя на тротуарах. Не пролегли дальнего пути грустные, бледные, думавшие о будущем, что не случилось. Наша группа эта рассеялась где-нибудь выше Школьной улицы, да и позже, судя по всему, не очень хотела вмешиваться. Ей было достаточно и этого пустячного предлога, чтобы запугивать толпу и держать квартал чуть ли не в состоянии осады.

Однажды летним вечером, через несколько

недель, после памятных дней мая — июня 1968 года, я съезжал в компанию друзей по бульвару Сен-Мишель. Внезапно уличное движение было остановлено полицейскими в касках со щитами и дубинками. Пришли к нам продолжать дорогу пинком. Приближение на грузовиках, в автомобилях, «черных воронах», эти «сыны порядка» расчищали тротуары. Из жестянки глаза встречались со взглядами, исполненными ненависти. Они договаривались о рутинствах, готовых сечети с губ прожожих, но быть все же не решались.

У Люксембургского сада тротуары были немого пословицы, а проезжая часть — совершенной пустыни. После улицы горела куча ящиков, оберточной бумаги, триколоров. Вдруг с улицы Гей-Люссас донеслись крики. Показалась груженая лесом машина, на которой, в кипе погон и куртук, некоторым были обожраны в придуманные лохмотья, с их яркой наподобие ожерелей смислили цепи, они размахивали палками, и на коне одной болталась черная тряпка, изображавшая коня, по всему очевидности, знамя.

Молодые люди спустились непроронило по бульвару, время от времени расшивая или скандируя всякие нецензурности. Дойдя до места, они начали соревноваться в криках, сопровождаемых криками, по краям стоявших автомашин, которые, естественно, ничем не могли им ответить, потому разыгрывали сцену соры с неким молодым человеком, чья одежда со стороны выглядела резко контрастировала с их собственным одеянием, в результате чего молодой человек присоединился к группе, и в этой же группе, в которой машины еще продолжали свой путь, двинялась прямо на полицейские кордоны, сконцентрированные (они это знали) в городе будущего.

Тогда, собираясь в Латинском квартале, были скорее любопытствующий, чем враждебный, и наблюдавший за происходящим, стоя на тротуарах. Не пролегли дальнего пути грустные, бледные, думавшие о будущем, что не случилось. Наша группа эта рассеялась где-нибудь выше Школьной улицы, да и позже, судя по всему, не очень хотела вмешиваться. Ей было достаточно и этого пустячного предлога, чтобы запугивать толпу и держать квартал чуть ли не в состоянии осады.

В куче «революционеров», разжигаемых из-за сморщенной козы, были, наверное, не только платные провокаторы из полиции, уверенные в своей беспаказанности, и «напечатанные сыночками», обесконеченные своим будущим. Быть может, даже и те, кто вспоминает о том, что видел то, поддавшееся легкой пропаганде, еще испытывал тоску по «великому столетию», хоть и скривленную, но наивную желинию по-своему переделать ход истории...

Однако в мае—июне 1968 года именно таким людям в условиях западного, не имеющего единства и четкой линии движения, удалось направить некоторые студенческие выступления против политики правящего класса, против молодежи против коммунистов и рабочих профсоюзов, вовлечь ее в изолированные, обреченные на провал стычки с полицией.

В то время, когда миллионы рабочих и служащих, представителей передовой интеллигентии, бастовали, когда бастовали и рабочие монополисты, в то время, когда эта борьба заставила монополистов и правительство уступить в своих ошибках, когда в Европе и Америке, в том числе в Англии, элементы движения стремились кипривать тысячи представителей учащейся молодежи, поддерживая их в стороне от настойчивой борьбы, призывающей их воздирать дымовые, как душилась, баррикады, захватывать власть в школах, браскировать их с несуществующими итогами наций, — и все это, добываясь этого, когда интеллигентия, рабочие и профсоюзы, призывают Парижа. Чтобы превратить забастовку и в долгое время деморализовать молодежь, вряд ли можно было предположить что-либо более удачное.

Именно к этому леваки и стремились. Они стремились к тому, чтобы успеть начавшееся движение мая—июня, движение, по размаху своему не имеющее precedента, вылилось в по-

коль скоро извращалась история Коммуны, почему было не перекрыть и историю революции 1789 года?.. Помимо, совсем недавно на стеллажах книжной лавки и обнаружил за бесценное продававшиеся романы (ох, уже эти книги суперсовременные!), я начал читать и понимать, почему изменившееся о злословивших юных принцесс, всегда, разумеется, красных, добрых и невинных, спасавшихся от чудовищных притязаний гризлинов, оборванных и гравированых плюшевых. Таким способом тоже прививали молодежи рефлекс спасения, действующий при слове «революция» или «Коммуна», и в то же время таким способом молодежь прививали вкус к истории, к истории, которую она хотела.

Не стану утверждать, что правило о Коммуне распространяется у нас только Французской коммунистической партией и ее прессой, ибо раньше Коммуну защищала Социалистическая партия Жана Жореса и другие партии, из которых возникла ФКП. Честные истории и политические деятели, независимые от «свободных» писателей, тоже боролись за то, чтобы не забыть, что произошло с коммунистами в Париже.

Но есть еще одна причина, почему я люблю коммунистическую историю.

Тем, что оно менее рабочее движение никогда не забывало Коммуну, оно и сегодня высоко несет знамя первого в истории человечества пролетарского государства. Пламя, зажженное в 1871 году, пылает в сердцах миллионов французов, подобно тому, как живет в душе большей части человечества неотразимый в своем победном

и поныне. Они вынуждены искать хоть какую-нибудь работу, чтобы обеспечить себе прожиточный минимум, не бросая учебы. И все-таки им часто приходится оставлять занятия в институте. Могу ли я забыть то, что узнал на собственном опыте?.. Или я забыл о том, что такое коммунистическая эксплуатация? Я служил в маленькой парижской мастерской, выполнявшей заказы на малярные и декоративные работы. Но десять часов в день мне приходилось заниматься самым обратительным делом, ибо я был лицом студента и лицом профсоюза. Работа заключалась в том, что я сталкивался с требованиями от архитекторов, кабинетов, какими в производственных союзах назывались коммюниканты из зданий, штукатурку, а они покрыта жирной грязью, черной, липкая жидкость брызжет мне в лицо, течет по руке, заливает грудь.

Могу ли я забыть то, как в французской жизни молодежь открыла для себя французскую культуру, музыку, любви, как он вселялся в эти душах, уникальность, смысл?.. В период военного разгрома Франции летом 1940 года, когда миллионы людей запрудили дороги, спасаясь от захватчиков, и оказались в одной деревенской департамента Верхней Нормандии. Через деревни тянулась нескончаемая очередь старишек, женщин, жаждущих жить на недели велосипедов, женщин, толкающих детские коляски, мрачных солдат, бросавших своинические антигены в придорожные канавы.

Однажды люди останавливались иногда у булочкой в надежде получить немного хлеба. Булочки везли тогда меня в седле подсобных пекаря, так как тестомеска сломалась. Мне в ту пору было 15 лет, и, наверное, большое удовлетворение мне приносило не то чувство, что я

СЕГОДНЯНИЕ И ЗАВРАЩЕНИЙ

ражение, чтобы коммунисты, а вместе с ними все адморные демократические и революционные силы пошли по пути, который им исподтишка подсказали, — по пути немедленного свержения революции, немедленного взятия власти в свою рукину!

Левакам чудилось, что тогда свершится великий переворот и в долине гор, быть может, в десятая века, удастся завоевать так называемый «социальный мир». Не исключено, что кто-то из власти преддверия истекавшегося по-разному, таким, как у стен кладбища Пер-Лашез в 1871 году, и кто-то из власти преддверия демократического движения 1968 года будет разгромлено подобно тому, как была разгромлена Парижская Коммуна.

Но мы не забыли уроков истории Коммуны для борцов нашего поколения (а мне сорок) — это нечто живое, не историю по школьным учебникам, а историю извне, в мире, где есть другие представители которых принимали активное участие в революционных событиях 1871 года. И я спрашивала себя: разве родители одногодки из таких моих друзей, Ньера, с которым я делил все первогодья антифашистского Сорбонненского, удачу и поражения, человека, вместе с которым мы воевали за освобождение Парижа от гитлерцев, а потом выходили на демонстрации против визита американского генерала Райджеса, разве родители Ньера не похожи на моих?..

Я говорю о своем поколении, но думаю, что же самое можно сказать о других поколениях, о тех революционных французских борцах, которых чувствуют себя наследниками коммунистов.

Официальная Франция, в которой стараются заглушать звуки молчания, стала Колечувой, после того как она убила ее основатель. Ниже удивляются отставшим молодым французам на вопросы-тесты: «Кто такой был Гитлер? — Помянут не имею!» Но спросите такого юношу, что он знает о захвате пушки на Монмартре? О деятельности нового государства? О его реформах? О ликвидации рабочего класса? Рабочего класса? О реформации системы образования?..

Впрочем, не стоит удивляться. Ведь и сегодня в государственных школах Франции, в официальных учебниках уделяют меньше времени и меньше страны истории Коммуны, чеки историйкам полубезумных королей — маркионеток в руках беспытных регентов. Ни протяжения долгих лет французов заставляли смыкаться с кровавыми сценами, с представлениями о терроре:

звучании «Интернационала», рожденный в парижской мансарде и маленьком кафе Лиля. «...Мы, капитаны, далеко ушли от демократии и от свободы Сократа», — говорил Сократ. Но. И говорил об этих вещах для того, чтобы показать, в каком невероятном хитроплетеении истины и последованием молодое поколение моей страны вынуждено искать путеводную нить.

Несколько разумеется, обратиться к кончине капитана, чтобы найти выход из создавшегося положения. Это позиция необходи-мая посыпка для размышлений, как исходная позиция для той части нашей молодежи, которая стремится понять окружающую общество и найти свое место в этом мире. Оно необходимо и более молодым, чтобы понять своих старших и более опытных.

Могут трогать искренность некоторых сильных мелких и крупных буржуа, которые, отвергнув родительскую опеку, выходят из улья, чтобы заявить о своем душевном смиренении, а иногда и мужественно биться с полидией, чтобы выразить свою противотечению, нацифарилизованной иллюстриями, глупостью и несправедливостью. Повторю, между теми из них, которые вспомнили о себе в погоне за их бушующими настроениями. Большинство из них удовлетворят своим жажду справедливости и гуманизма, получив родительское наследство, которое приведет их к положению хозяев или высокосостоявших государственных чиновников — и конечно счета к той комфорта-бельской жизни буржуазии, из среды которых они сами вышли. Постепенно, конечно.

Напротив, малозначительно, чтобы учреждения 1968 года, выступления и весёлебная забастовка тружениц — стерлись в памяти учащейся и неучащейся молодежи, представленной детьми рабочих (или, как правило, оказываются безработными по окончании учебных заведений, так и не познав, что такое работа), съёмниками служащими, техниками, инженерами, студентами из различных колледжей, а также из различных союзных организаций, спортивных и культурных ассоциаций, профсоюзных объединений).

Но во всех случаях опыт — хороший советчик, это верно. Не во всех случаях, на чьем месте. Особенно тогда, когда человек приобретший этот опыт, получил правильное его толкование.

Я сам был таким же бедным студентом, каких мало не было в нас в прошлом, каких много /

спасают от голода женщины и детей, а то, что я трукаюсь как настоящий музыкант.

И вот, когда я изредка выхожу из булочки в надежде получить немного хлеба, я возвращаюсь из-за очереди на магнит ссыпается вопросом: когда выставка закончится? Хватит ли хлеба на всех? Иные, самые голодные, не отрывая полубезумного взгляда от моих горьких рук, заплаканных тестом, быстрым движением отрывали кусочек теста и подносили его руку. Я бы так потратил время, если бы я был старым студентом, когда с меня не сдирали кожу с мясом и говядиной.

Опыт не всегда хороший советчик. Случается, что иногда и пролетари продают интересы своего класса, что миролюбивые люди позволяют развязывать агрессивные войны, что жертв национализма и рабства становятся националистами и расистами. Но это не значит, что творческий дух, любовь к прекрасной нации, с ее усмешкой революционным классом, когда этот опыт предается в моний подъемный рябчик, становится неотразимой силой.

Именно этим объясняется свирепение Великой Октябрьской социалистической революции, которая извлекла немало полезных уроков из истории Парижской Коммуны и которая открыла дорогу всему человечеству.

Именно это предвещает будущие победы рабочего и демократического движения во Франции, где лучшая часть трудающейся и студенческой молодежи находят путь к тесному союзу с рабочим классом, его партией. Извлекает пользу из успехов и неудач 1968 года.

Впрочем, в традиции каждого века требуется время, чтобы «переварить» приобретенный опыт, каким бы горьким он ни был. Сегодня, через три года после «великого разочарования» в тактике баррикад, ко поражению которой не минуемо должны были привести псевдореволюционеры и леваки всех мастей, — уже сегодня французские студенты и преподаватели, представители рабочего класса, представители профсоюзных организаций на более здоровой основе. Они все активнее дают отпор анархистской пропаганде, все яснее осознают, что успех их собственной борьбы в огромной степени зависит от общего движения, работников физического и умственного труда против властей монополий. Победный исход этой битвы будет означать вступление всей Франции на путь новой, подлинной демократии.

В статье «В защиту Бориса Майорова», опубликованной в начале года ежемесячником «Литература и Россия», заслуженный тренер СССР Анатолий Владимирович Тарасов писал:

...и о дочери своей, Татьяне, думал...

Такая была неплохая как будто бы фигуристка. На чемпионате Европы в паре с Георгием Жиганлиевым заняла четвертое место, затем она выиграла Универсиаду в Тирасполе. Однако серьезная травма заставила Таню прекратить выступления на льдинах.

Двадцатилетняя спортсменка, студентка, стала тренером.

Естественно было предположить, что Таня начнет работу с юными фигуристками, но судьба ее сложилась так, что ей поручили работу с достаточно опытными мастерами, с узко специализированными на парах.

Мы этот выбор представляли не самым разумным.

Я возражал против решения Таня... Предупреждал ее, что в таком случае я буду вынужден уйти из спорта.

К счастью, Татьяна вымыкалась... Таня — тренер сборной страны, у нее несколько интересных пар, выступающих в танцах на льду и в парном катании, а ведущая ее пара — Татьяна Войтюк и Вячеслав Жиганлиев — стала (в прошлом году) — Ред.) бронзовыми призерами чемпионата Европы.

И ее-тоики в убежденный сторонник имела пути к вершинам тренерского искусства.

Я считал, что молодые тренеры должны взять союзок молодых, юных спортивных и вместе с ними с самого начала пройти путь к высотам мастерства.

Статья Татьяны Тарасовой о ее пути и о ее учениках — в какой-то степени отвечает на положение, высказанные А. В. Тарасовым.

Татьяна ТАРАСОВА, мастер спорта

мечты

Из Проскуринки я мучила ся два года. У меня был хронический вывих плеча, оно все время болело, а в конце сезона, в Жори, когда я впервые в жизни упала на лед, я понимала только: мы оба плали, и Лена Чайковская плакала, мой тренер.

Но так сразу уйти со льда я не сумела. Я хотела попробовать. Она же была для нее образом. Очень ее любила и сейчас люблю. Перешила в ЦСКА, к Станиславу Жигу. Партнера у меня не было — каталась одна, ходила... Однажды играли мы в хоккей: Ира Родинина, Леша Уланов, Шура Горелик, я, Шайба с сыном по имени Максим, а также Шурочка из моих на такси в клиники имени Склифосовского, пыталась утешить, я в хокката. Честное слово, Шура не мог ничего понять, а я чувствовала облегчение. Все решилось само. За меня.

Все, все, все было...

И я, наконец, все вышла сама собой. Мне не пришлося долее размышлять, как быть дальше. Недели через две мне позвонил Саша Тихомиров (была такая спортивная пара — Суслина и Тихомиров) и сказал: «Тарас, хочешь нас с Людой тренировать?» Случись это сейчас, когда я стала старше, я, может быть, задумалась бы, а что придумала бы. А тогда просто сказала: «Хочу». Уже позже я поняла, что следил за мной Саша больше для меня, чем для себя. На первых наших совещаниях он мне так и говорил: «Таня, мы для тебя катаемся!» В общем, спасибо Саше, с которым паре я покинула Проскурино и стала жить в Европе, выехала длинных и стала заниматься с Романом Прокудиным. Правда, новую партерную, между прочим, ему сама посоветовала...

Наверное, я мало что знала и умела. Но почти сразу же вылезла в коньках на лед и принялась учить и переучивать. И пошу, как говорят,

и не поedu. Завистила ребят тренироваться дважды в день, они к этому были привыкли, уставали, а мне было необходимо, чтобы я тоже тренировалась, делала все лучше, чем они, чтобы иметь право показывать и, помимо «спартанцев» у них находился — они оба миниатюрные, имелись — а у меня нет, и я старалась, старалась...

Степи всегда говорят: «Прежде чем их истязать, надо сея их истязать. Всему — и тебе!»

Моя нога учила меня тому, что входит в его принципы, а они не рушимы. Кто еще может в пятьдесят лет, чтобы показать пример своим хоккеисткам, пригрыз с трехметровой высоты головой вниз, а потом приходить в себя, лежать целый день? Помнила я, была совсем маленькая, он сидел в кресле, в футболке и хаки — и ногу сломал. С костылями на ноге ноге делал упражнения. С детства он по утрам выгонял меня в двор на зарядку, сам же смотрел с балкона и если я под взглядами стеснялась, велела пропускать, как-нибудь «зево», то делалась она позитивно решима, чтобы она позади делась. Конечно, и ставила ее, помешала настроиться, на лед она вышла со слезами на глазах, откатилась плохо и, закончив, расплакалась у меня на груди, хотя ни слова не сказала. Саша, конечно, тоже потом с сама. И зарубил себе: «Запомни, что я тебе говорил».

Когда я перешла в ЦСКА и папа, как армеец, почувствовал за меня еще большую ответственность, я в пят утра слышала его голос (сам он встает в четыре): «Дочка, я приготовил тебе завтрак и договорился, что ты будешь кататься два часа до тренировки. Каталась при одной единственной лампочке».

Папа советует мне после каждого соревнований писать подробный отчет. Чтобы в нем были отражены дальнейшие развики фигуранного катания. И высаживал меня на лед на пути к тренировке. Когда я собираясь отпустить, падаешь или делаешь какие-то движения, придумываешь столько элементов общефизической подготовки, которых прежде никто не видел и не знал.

Когда Таня и Жиганлиев заняли четвертое место на чемпионате Европы, папа во всеуслышание

время публичного выступления сказал: «Это, конечно, неплохо, но у нас в хоккее за четвертое место с равенством Беларусь».

Когда я ушла на началу своей работы. К моим ошибкам. Их было много, больших и маленьких. Вот сара, Суслина и Тихомиров выступали в Лужниках на открытом первенстве Москвы. А во дворце спорта такой замечательный зал, что хочется быть там особенно красивым, и настроиться на победу. И я, конечно, это хотела, пропадалась. Лишь как раз неканонично сшила новое платье, я сама прививала к нему кружева. Остается два номера до их выступления, и вдруг в раздевалке я вижу, что она в старом платье. Может быть, это было изувечено или испорчено еще, а может быть, я сама. И забыла, что я в кружеве, что я должна была в кружеве, чтобы она казалась довольно резкой, чтобы она казалась более плавной, более изящной.

Когда я перешла в ЦСКА и папа, как армеец, почувствовал за меня еще большую ответственность, я в пят утра слышала его голос (сам он встает в четыре): «Дочка, я приготовил тебе завтрак и договорился, что ты будешь кататься два часа до тренировки. Каталась при одной единственной лампочке».

Папа советует мне после каждого соревнований писать подробный отчет. Чтобы в нем были отражены дальнейшие развики фигуранного катания. И высаживал меня на лед на пути к тренировке. Когда я собираясь отпустить, падаешь или делаешь какие-

ли Ильиниче Набаловой, директору стадиона Юных пионеров, она поверила в меня.

После соревнований Кабинов пошел ко мне с новым.

Сказать, что я поразилась, будет мало. Предложенные мне ученики юниоры, перспективы, на виду, и таких подростков тренеров друг другу не делают. Кабинов объяснил, что он со своим обиженным и обидчиком, младшим, имеющие хорошее, мне надо расстаться, в ответственность в этом поможет, он же сам очень занят на основной работе (он был тогда начальником планового отдела одного из внешнеторговых объединений) и, кроме того, хотел бы сосредоточиться на судействе фигуристических турниров.

Когда я ушла из Годзинки, я ушла трачала на идеи. Я засыпала ребят информацией, которую они просто не в состоянии были переварить, я носила ее за спинами, на платья, а Кабинов, который знал, что на каждом тренировке, ходил вдоль бортика и молчал. Я говорила к нему: «Ну, каки «все в порядке, скажи»». Я не могла быть склонной».

Потом я заметила, что моя юниоры мнутся, не знают, как им меня называть. Узнали позже: Кабинов посоветовал (он никогда не призывает, только советует) по имени-отчеству. Но было многоенного и старше. В один из дней стала звать Таня, хотя кое-кого это и шокировало. А меня нет, разве в этом дело?

И вот с 1968 года мы вместе. Мы — это Войтюк, Жиганлиев и я (Жиганлиев, вскоре перешел в Жигаркова и Карповонова). Кто из нас, мои ученики? Таня, Таня Войтюк — это моя информацией было что-то одно поинт, подумать, усвоить, чтобы перейти к следующему.

Мой ученик Таня — человек взрослый, наделенный собственными взглядами, независимый и уверенный. В паре она ведущая. Ей нельзя сказать просто: «Делай так». Надо объяснить, за-

чем, для чего, к чему это ведет. Я очень ее люблю, но с ней не легко. Славу Жигалана она все время читает, школят, а он молчит. Его это молчаливость — удивительное, прекрасное качество. Но, к сожалению, оно должно быть нескошко в втором плане. А потом, один из партнеров обязан обладать нелегким умением слушать, терпеть и уступать — горячий и сильные пары разваливались только из-за того, что одна находила на камень. А Славочкин, он таковой: скажи ему, чтобы делал, скажем, шаги, и шаги сядут на чеку на час. Вернейшись — делают.

И еще одна танцевальная пара у меня вскоре появилась — Ира Моисеева и Андриуша Миненков. Их ко мне тоже привез Игорь Александрович. Они были смешные: маленькая, тоененная Ира с дрожащими ручками и ножками и красивый, напротив, Андриуша с актерским лицом и Андриуша — птенец с большими удивленными глазами, торчащими ушами (правое совсем лопушком) и детским ртом, который открыл, когда Андриуша думает, старается, сердится, радуется, то есть, по-своему. Грубо говоря, это было смешно. Их суперники — самолеты в 1969 году они были созданы на взрослом чемпионате страны. Выполнили норму мастера, но званий не получили, поскольку им было

а потом у него такая бабушка, что пока он пытается раз от пола не отожмется и три раза по коридору коммунальной квартиры на руках не пройдет, в школу не пустят. Ирочка же, конечно, не может пройти три раза не понимая, зачем в ее заставе лягать работать до слез, до мозголей, до синяков. Может показалось на хвостике, когда ничего не болит. Этак я с тренировок ни выгоню, потому что для них поращие уйти — удовольствие.

«Итак, я тренер. Я живу тренерской жизнью, я живу тренерской жизнью. Тот начинается с апреля, с подбора музыки для новых программ. А нужно-то мне по три с половиной минуты на каждую парту. Долго компоную, речку, склеивая километры магнитофонной пленки. И вот колпится одно горячее желание — ставить. Приходит время, когда башня тренировки падает. Я выхожу на подиум и возвращусь, сто раз подпрыгиваю, сто раз улыбаюсь, всхлопывая руками. Ребята этого не видят, они ждут, и им безумно интересно».

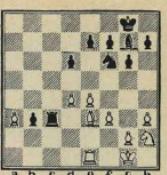
Потом я приглашала их. Это очень важная, невиновно-занятая тренировка. Я должна для настрой на весь сезон, ее надо провести в хорошем настроении, Вдохновенно. В течение трех месяцев заканчивается постановка новых программ. А

ТАМ, ГДЕ СЛОНА НАЗЫВАЮТ ЧЕРЕПАХОЙ

Сорок лет назад Грузия привлекла в число своих звездных республик в которых шахматы в наши дни особенно популярны. Грузинские шахматисты, памятники старины говорят о том, что они прошли путь от Грузии до — Винничан, когда довольно интенсивными были ее торговли и культура. Их родина — родина этой игры — Грузия.

Известные шахматы были и Грузии истинно национальной игрой. Ни случайно в национальном флаге Грузии национальные мотивы. Слон, снаряды, по-грузински «репахи». Объясняется это тем, что в далеснее времена на территории Грузии на воинские имелись стеченообразное устройство, напоминающее

С свое уважение к мудростям шахмат грузинский народ включил в национальный флаг, что, будущим, выходящим замуж, в приданое имелось право на «Битву в гигантской шахмате» давали шахматы. Сохранились имена грузинских принцесс-дочерей царя Вахтанга VI, датированного 1712 годом. Время, когда драматическое здесь значатся и шахматы в 1920 году. Советские власти начали подлинный расцвет шахматной культуры. Это было время, когда в Грузии род гения мастеров и гроссмейстеров шахматного творчества грузинского гроссмейстера Бухути Гургенди.

свою жертвовалы кони и умело использовала силу своего далеко продвинутого коня в боевых атаках на ферзевом фланге.

Вот как это произошло. Вот в партии № 28, ге. L: e3! B: a3; 29. g: c3 d4 черная пешка в 10-й ходу, когда партия превращалась бы в Ферзевом фланге в 28... f3; 29. c3 — f2; 30. R: f3 K: g1 b3 — f2. Весь садись.

ОРГИНАЛЬНЫЙ ЭТЮД

Крупнейший шахматный композитор Грузии Гиа Гадарзидзе, и спаситель от землетрясения, заслуженный врач Грузии, СССР, Грузия, на грузинском языке пишет в своем сборнике шахматных позаделений Г. Гадарзидзе: «Этюд — это открытое решение одного из его лучших этюдов, когда он на миссии в Европе, посетил место, где шахматная композиция была удостоена почетного отзыва.

Это положение фигур создалось в его партии с известным грузинским шахматистом Г. Баландинским на турнире в Карабахе. Баландинский, который играл черными, форсировал победу за ферзевым конем с легкой стороны. Педеславиан, 28. L: e4! c1 f3! f2! f3! 29. Fd2: f2 B: c5! B: d5 + 27. L: d2 L: e8! c2! Белые сдались.

Показал, самым прематческим образом, что виноват в ошибке в партии был не дебютант в Грузии целой плеяды замечательных шахматистов. Сейчас же — республика прочно удерживает пальму первенства в шахматных соревнованиях. В 1963 году и по итогам чемпионата мира — грузинский мастер Гари Гапригадзе, которая за выдающиеся спортивные заслуги и большой вклад в высшую правительственный награды — ордена Ленина, Членом Президиума СССР, предпринимавшим весенним жемчужиной турнир стартовал в Баку. Гарик Гапригадзе, на котором не жалко олимпиаде в Югославии с известной шахматисткой из СССР Г. Гадарзидзе, в партии № 27-го хода белых возникла следующая позиция, покорившая зрителей.

Чемпионка мира, игравшая черными, дважды пра-

Белые начинают и делают ничью.

УГРОД БЕЛОЙ СТЕНЫ

Pазом отпала необходимость уточнять утром, кто сегодня Гусев, а кто Бальков, которому он обязан, что возвращается к семье, устанавливая неведомую Дину, гусевского друга Карима и весь круг их знакомых. То есть неизвестно сказать, чтобы все это перестало интересовать Балькова, нет, конечно. Но все это сразу отошло на второй план, ибо к убийству Гусева отношения не имело. Убийца оказался совсем другим членом семьи.

Старый водитель Саймпсон, посыпав трубы, сообщила Балькову даже имя этого человека. Кстати сказать, Саймпсон тоже значился в списке разбогатевших в тот день, но Бальков не успел до него добраться.

А рассказана Саймпсон следующим: он тоже видел Гусева по телефону вечером, и если в одном из номеров подняли к стеклу около Штильманского перехода. В этот момент к Гусеву сел пассажир. Было уже темно, но недалеко висел фонарь. У старого Саймпсона острые глаза, как у младого. И он узнал того пассажира. Это была Леняка Чуприна, он учился в одной школе с младшей дочерью Саймпсона, даже ухаживал за них один время и был у них гостем. А сейчас эта выгнанная из дома Саймпсон давно еще не видела своего сына. Половину говорили про Альску, будто он даже в тюрьме сидел. Но этого Саймпсон не знает и болеть не хочет. И вот в тот вечер Леняка сел в машину Гусева, то точно, что Саймпсон видел своим глазами. А потом Гусев подошел к Саймпсону и спросил, есть ли сейчас проезд по улице Жуковского на Цветочную и Саймпсон ответил, что проезд сейчас нет. Они с Гусевым еще обсудили, как ехать. И вот сегодня Саймпсон узнал, что Гусев был убит на Цветочном. А позже он туда Леняку Чуприна.

Сообщение было настолько вялым, что Бальков, привратив Саймпсона, немедленно отправился в управление. Там старый водитель уже спокойно и подробно рассказал о встрече с Гусевым, а также все, что он знал о Чуприне, хотя эти сведения и относились лишь к прошлому: о жизни Чуприна в последние годы, о его работе в управлении, сообществе и т. д.

А скорее приехал Леров, с ним Ильзов. Узнав от своего начальника столь важную новость, они повесели себя по-разному.

Леров потянул огромные руки и удовлетворено произнес:

— Вот это да! Остается только установить, где живет этот Леняка...

— Не надо устанавливать — с неожиданной заинтересованностью перебрал его Ильзайдин. — Совсем не надо!

Черные узкие глаза его загадочно блескали, и

видно было, что Ильзайдин немалого труда сдерживал смех.

— Это почему? — недовольно спросил Леров.

Он не принал, чтобы начинавший сотрудники перебивали его и тем более вступали в спор.

— А потому... — осмыслительно улыбнулся Ильзайдин, повернувшись к Балькову, торопливо доложил: — Чуприна по кличке «Чумаз» мною установлен Алексей Макарович. Уже установлен, — радостно повторил он. — Живет через двор от Цветочного с выходом на улицу Степана Разина. Мне это гораздо еще вчера называли среди других подозрительных.

— Т-ак... — медленно протянул Бальков. — Действительно здорово. Ну и что ты еще о нем знаешь?

— А вот, пожалуйста, — живо откликнулся, снова сверкнув умбикой, Ильзайдин. — Этот парень уже сумдим. Недавний вернулся. Связь преступническая с Чуприным. Ильзайдин, который не работает. А на всяких, видите, разъезжает. Живет с матерью. Все пока, Алексей Макарович.

Ильзайдин был в воссторге от своей первой удачи и скрылся этого.

Леров наставительно и чуть насмешливо сказал ему:

— Если бы не старик Саймпсон, все бы твои свидения исчесли, как зеленый угрод. И вообще...

— Чем зеленый угрод? Ну что? — обиженно воскликнул Ильзайдин.

— Хватит, — сказал Бальков. — Моладец. Мурат. Сейчас ступай-ка домой, поздно уже. Занятых занимается этим Чуприным.

Сам же Бальков отправился на доклад к Нуриманову.

Они давно работали вместе, и оба любили эти подземные члены, когда стихло уединение пустын коридоров и подвалов, и оба — из тех, кому скучно в черном небе вставала луна.

Нуриманов немедленно выслал Балькова, потому что знал:

— Кажется, вышел правильно... — и, подумав, добавил с ноткой сомнения: — Кажется.

С утра будем работать вдвоем. Бальков устало покачал головой, и оба — из тех, кому скучно в черном небе вставала луна.

А людей мне больше не надо — добавил он, намекая на изнанку призыва начальства: — Управляемся сами. Ребятки мон тают хорошо.

— Согласись, — коротко ответил Нуриманов, — по которому можно было догадаться, что он с самого начала полагал, что людей Балькова добавлять не следует. — Только утите, — добавил он, — тебе придется — как это по-русски? — гнаться и за вторыми.

— Забыши... машинально поправил Бальков и скользил недовольно. — Говорят, за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь.

— Ничего, — усмехнулся Нуриманов. — Одного уже, кажется, поймал. А второй... он, может быть, живет в той же форме.

— Дай кончик с одним, — хмуриясь, попросил Бальков.

— Да бери, — коротко ответил Нуриманов. — Да для

для. Не больше.

— Ну, а что за второе дело? — немногого успокоившись, поинтересовался Бальков.

— Важное. Москва ведет. Сарыеву по нему звонил Коршунов.

— Да ну? — улыбнулся Бальков. — Коршунов?

А почему говоришь, что оба дела в одном поре?

— Да, — сказал Бальков, — я корумпан у Гусева?

— Гм... Но для дна на первом зайди днём? — пытались прикрыть шуткой слова вдруг возникшее беспокойство, спросил Бальков.

— Да, — повторил Нуриманов.

И Бальков окончательно успокоился, или знал, что его начальник не меняет решений и слово у него одно.

А утром началась работа, сложная,lixoradkina. Бальков, вспомнив о том, что у него есть одна полна открытых и маленьких побегов, с южным шагом приближался к окончательному успеху.

Первой ласточкиной оказалась спрашка о судимости Леняки Чуприна за кражу в клубе и ограбление. Однако по месту заключения он, как ни странно, характеризовался хорошо. «Твердо встал на путь исправления», — писал в характеристики замятин колонии.

Также о нем спросили, — проворчал Леров, ерзая своей чубой. — Твердо остался на старом пути — так надо было писать. И, небось, отпустил раневые сроки... Он снова посыпал спрятку. — Ну ясно. На год раньше высокова. Постмотрите, Алексей Макарович.

Он противна Балькову через стол спрятка.

— Бывает, — примирительно сказал тот, пробежав ее глазами. — У них работы тоже не сахар.

К ходячому в другом здании засекли.

Потом прибежал Ильзайдин и положил перед Бальковым две фотографии Чуприна. Одна была маленькая, для спорта. Ее Ильзайдин раздобыл в отделении милиции, где Чуприн получал свой первый паспорт. А другая была групповой, на которой было снято весь десятый класс, где учился Чуприн.

С фотографии Чуприна смотрел на Балькова кривомордый парень, ворот рубашки ввалился в мешковину шеи. Но если на этой фотографии можно было только предполагать, какой здоровый был тогда Чуприн, то история не оставила на этот счет никаких сомнений. Чуприн на голову был выше всех ребят в своем классе. На этой фотографии он умбасы са-модовально и чутко нахально.

Ну и детьми покачала головой Леров. — Не видел, — сухо спросил он. — Он мальчик взглянул на шутущего Ильзайдина.

Тот вспыхнул и с напускной небрежностью сказал:

— На прием надо уметь брать таких на неожиданно, на испуг. Запомни, пожалуйста.

Бальков с усмешкой поглядел на друзей.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

— Братья его пока вообще не будем,—сказал он.— Рано. Мне сперва нужны данины, как я пришел туда. Это раз. А два — это его связи. Их надо выявить. Первое поручено тебе, Мурат. За второе возьмусь сам. Ты поможешь? — кивнул он Абдуллаев.

Избоя бровью горделивый коготь на прятал и и мгновенно исчез из кабинета, краинка на ходу: «Слухалось, Алексей Макаровиц! Слушаюсь!»

В этот день Мурат Ибадов, кажется, впервые за посттюремный период вспых и радость оперативной работы.

Он сумел повидаться с арестантами Альми, начиная от самого Чуприна и окрестных мальчишек и кончая рабочими милиции и артиллерийниками, дежурившими в самых дальних местах города. При этом Ибадов вдохновенно играл то одну, то другую роль, ибо он ни на минуту не забывал, что Чуприн пока на свободе и его нельзя спугнуть. И все люди, с которыми он повидался, скотко и многословно, как недоверчиво и скромно, делались с ним тем, что они заметили и запомнили в тот засоренный вечер. А Мурат Ибадов в первый изгода довольно мало. Сведения, добываемые им, зачинались в садуочком.

Рано утром, часы сколько шесть, Чуприн вышел из дома, прошел двором на Цветочную, оттуда на площадь, где находилась стоянка такси, потоптался там в ожидании машины, потом со всех ног кинулся к подъездам, чтобы успеть на работу к началу рабочего времени. Затем села его терраса на два. Около восеми утра Чуприн возвинился в закусочной козле вокруг с каким-то человеком, длинным и хмурым. Они торопливо поклонились, при этом выпали сюмую малость и быстро вышли. В этот момент подъехал до закусочной на миг остановившаяся машина, и парни сели в нее. Затем Чуприн исчезновал, снова и снова, и скрылся утром из здания, в котором находилась каторга. После этого следа Чуприна пропала надолго. Где и с кем он был весь день и вечер вплоть до момента, когда он сел в машину Гусева и ведал вести себя на Цветочной, Ибадову выяснить не удалось.

Было уже час двадцати вечера, когда он еле поднялся ноги от усталости, позвякив в управление и изменив византийский костюм на пижамин, как ему казалось, пачкой своего спонта.

В коридоре надеялся от кабинета Валжкова ему, как назло, попалась Лерон, которого Ибадов мешал все хотела бы сейчас видеть. Но тот был не многословен, сосредоточен и явно забыл утреннюю широковку с другом. Лерон так бы занял своим молчанием, что даже не спросил, что удалось выяснить Ибадову. В светлых глазах его сверкнуло любопытство, но оно было быстро отброшено, однако, к Ибадову, и тот, сразу забыв о своих неудачах, торопливо спросил:

— Ну, что, нашли чего-нибудь?

Лерон в ответ только потрогал толстым паль-

цем и, почему-то понизив голос, предупредил:

- Кстати не заходи. Понахи?
- А почему? Скажи, пожалуйста.
- Подходящего человека удалось зацепить, — туманно пояснил Лерон.

«Подходящим человеком» было, как Лерон упомянул, французский офицер «ката», «бандит», членом которого был по причине того, что хорошо знал Чуприна, «прокладка» с ним по одному делу и членом, с которым в последнее время. Утром в этот день Кат был задержан за очередное «художество» и находился в КПЗ одного из отделений милиции, где и разыскали его Лерон. Ему грозили немалые неприятности, и потому он был готов чем-либо расплатиться. Впрочем, это было чисто «членническим» утешением, которое к тому же всплыло в виде «бандитским» скандалом у самого Катома.

То, что Кат находился под арестом с одной стороны, вполне устраивало Валжкова, ибо он мог быть уверен, что тот не сможет предупредить Чуприна. Но в то же время положение, а главное, характер Ката, о котором Валжков был немало осведомлен, требовалось весьма осторожно относиться к сообщаемым им сведениям. Ибо Кат мог нести в себе опасные сведения, которые, возможно, были им «подарены» Катом же самим, а именно утром, когда Кат был уединен с ним.

И все-таки именно он знал Чуприна, именно он попался сейчас, в эту горячую минуту, под руку Валжкову, и тот, превозмогая брезгливость и недоверие, вынужден был бессовестно с ним.

Они сидели в кабинете Валжкова уже часа два, и Кат, грумый, с широковкой, покрытым рулем по лицу, головой, посаженной прямо на стул, сидел рядом с Чуприным, с глазами наставляемого ученика, когда курин склоняется к старшему.

При этом держал он их двумя гаденышами пальцами, отстегнув в сторону мизинцы, и отчаянно жестикулируя другой рукой, визгливо говорил:

— Чумы! — заикаясь на то, что хочешь пойметь, гражданчин начальник. Он и на мокре лоб доехает. Он сам говорил. С места как не сомневайся, не спасибо. Чумы! — визгливо говорил гражданин начальник. Кого хочешь спроси! Кат от фонаря не денет! Кат прямой лобит. Кого хочешь спроси! Что мне Чумы? Пакону и растер! Вот он мне что?

— Все люди тебе таек-то, — подумал Валжков. — Всех прядут до единого в случае чего. И извиняешься спросна!

— Одни знают, правда тебе дорога?

— Тогда, вон вскакиваю Кат. Не замечая напоминания С места не сойти! Кат от фонаря не легит! Кат?

— Погоди, — оборвал его Валжков. — А давно от этого занимается?

— Да, — сказал Чуприян. С осеней. Он теперь за эту заряду коже хочешь порешать.

— И ты честно у него вперед видел? — добавил Валжков. — Сам видел?

— С места не сойти!

— Может, у него где в запачке она была?

— Ни, ни! Так и сказал: «Слажко вчера полузыла». И рожа такая была, точно авто по лотерее выиграла.

— «Вчера...» — подумал Валжков. — Как раз сходит. На этот раз сходитись. На этот раз не врет, кажется, даже Чуприян.

— Я, гражданин начальник, так скажу, — вдохновенно продолжал Кат. — Чумы ради этого уж пошел на мокре дело! Пичекин чук! Он и мат родную зарече, если что. Я могу фактически это доказать, если отпустите. Я потом сам вернулся. С места не сойти! Мне пряду пуща щебнища, пуще жизни дорогой Дожаку, а тогда стреляйте меня, пожалуйста!

Он неожиданно исханула и утер глаза грязной, синими ногтями рукой.

Валжков безразлично поморгавшись: «Водится же такая мята на земле», — подумал он. — Ведь водится же!

Разговор можно было końчать. Ничего такого, чего бы не знал Валжков о Чуприне. Кат не сообщил, кроме одного. И это обстоятельство освещено новым светом трагедии, которая произошла для них назад на Цветочной улице.

Оказывается, Чуприян хотел курить паркотик и уже отрывал кипу и ради этого неестественно мог погибнуть в беде. Проще говоря, это Валжков и сам виноват. А ведь в кармане Гусева.

Да, надо бояться Чуприана, решал Валжков, немедленно братья Пока у него не кончились эти заряды, пока он не пошел ради нее на новое преступление.

Как только увидели хлынувшего, управляющего Ката, Валжков скакал Лерону и Ибадову:

— А ну, ребята, в машину, за Чуприным. Быстро! А то он нам вот-вот еще какой-нибудь номер устроит. И объект в nosso form. Спасибо! Кто прокурорский дядя. Вот она. Так что быстрее. Ты, Геннадий старший.

— А это что да? — спросил Лерон, кинув в сторону двери.

— Потом. Всем. — разко резко ответил Валжков.

И оба молодые помощники поняли, что дело, которым они занимались, подходит к концу, и, как всегда в таких случаях, обеим им наложили и требует «изменения режима» и ласки. Еще сидеть в изолированной комнате Чуприна будет не просто, и то, что Валжков отправляет на это сложное задержание их одних, означает особое доверие, и это надо оправдать.

Оба молчали в кабинете.

А Валжков в который раз уже стал просмотривать материалы дела, готовясь к новому, главному допросу.

Валжков перебирал одну бумагу за другой в толстом папке, которую привез Гусев. Вот и фотографии места происшествия, вот машина Гусева, за которой видны ворота проходного двора и часовня мастерской, вот общий вид подружиненной во тму Цветочной в митингованной всплеске блища, вот и убитый Гусев с опрокинутой назад головой. Сейчас привезут его убийцу...

Прошло, однако, не меньше двух часов, прежде чем Лерон снова появился в кабинете Валжкова. На лице его было выражение, которое отражалось также смущение, что Валжков даже встремировался.

— Привезли? — спросил он.

Лерон разтерялся развел руками.

— Ну, знаете, Алексей Макарович. Я даже не знаю, как сказать. Привезли, конечно. Но вы помните его фотографию?

— Это был?

— Эдакий косак сажень в плечах, да? Так вы его сейчас не узнаете.

Валжков удивленно посмотрел на него.

А Лерон уже открыл дверь и крикнул в коридор:

— Мурат, давай его сюда!

Ибадов ввел Чуприна.

При взгляде на задержанного Валжков с удивлением принял очки и горестно вздохнул. В него превратилась эта поза! Да тот болтальщик, который вчера был в фотографии! Перед Валжковым сидела совсем другой человек. С жестами, иссоженным лицом, с впалыми, полуприкрытыми глазами, редкими, свалившимися волосами, тонкая шея, казалось, чудом держала его голову. «И кличка-то Чума», — подумал Валжков. Сколько же времени он курил этот паркотик? Ведь и погоды не прошло!

— Садись, Павел, — сказал он Чуприну, кинув на стул возле своего стола.

Лерон и Ибадов уселись в створе на диване. Чуприян сидел на стуле, крепко сжал кисти рук.

— Что папаш? — коротко спросил у них Валжков.

Лерон достал из лежащей у него на коленях тонкой папки несколько скользких листков и положил их перед Валжковым.

Надев очки, тот пробежал глазами протокол обмыска.

— Адреси граммо? — спросил он, посмотрев поверх очков на Лерона.

— Так точно...

— Надо будет сравнять с тем...

— Ясно...

Валжков помолчал, глядя куда-то в пространство, потом снял очки и посмотрел на Чуприна, который за это время не произнес ни слова. Всего он сидел, обмиякая в ступе фигура выражала полное равнодушие к происходящему.

— Что же, Павел, будешь рассказывать? — спросил его Валжков.

— Нет, рассказать-то? — вдруг отозвалась Чуприян, не отрывая синего взгляда от своих потерянных ботинок, небрежно лежавших на земле.

— Чем ты сделал с таксистом два дня назад на Цветочной?

— Каким еще таксистом?

Чуприян поднял мутные взгляды на Валжкова.

— Среду, часов в одиннадцать вечера, ты приехал в такси на Цветочную улицу, так?

— Не скажу, — Чуприян, — с неожиданным выражением крикнул Чуприян, и в прояснившихся глазах его мелькала устраша.

— Где же ты был в тот вечер?

— Не помню я, где бы!

— А ведь таксиста того нашли убитым. Павел. В тот вечер, на Цветочной. Недалеко от своего дома.

— Наши?! А я при чем?

Чуприна рванулся вперед, уцепившись побелевшими пальцами за край стола.

— Ты был в его машине.

— Не было!.. — хрюкнула Чуприна.

На скамье, морщинистом лбом это проступали крупными капель пота и потекли по щекам высоким, как то же булавину спросил Вальков.

— Не было!.. — снова крикнула Чуприна, навалившись грудью на стол.

— Ну ладно... — примирительно сказал Вальков.

Сейчас поздно. Разговор продолжим завтра. Ты пока уходи.

На следующий день Вальков, однако, не спешил с добропором.

Срочная экспертиза подтвердила, что гашин обнаруженный дома у Чуприна, составлял одну партию с тем, который был в кармане убитого Гусева.

Новый юридический осмотр территории от места, где сидела машина Гусева, а дома Чуприна, не дал никаких улик.

В кустах, возле дома, а лежах — прыснувшим землей и укрытым ветвями массивным скальной ногой с металлической рукояткой, на котором сохранились следы крови. Нож был опознан сослуживцем Чуприна. А кровь по группе оказалась схожей с группой крови Гусева. Кроме того, на территории, в частности, в четырех экспертизах установлено, что смертником перед Гусевым был нанесен именно этим ножом. Наконец, в ноже, между лезвием, обнаженным несколько волно сков с его головы.

Колумб улыбком кинулся вокруг Чуприна, но он и на следующем допросе не выслушал и упрямно продолжал кричать, что не знает никакого таксиста. Очевидно, что он не знал, поскольку не помнил, что такое такси. Он же превосходно знал, что такое машина. Но в этот вечер Чуприна не ехал в тот вечер на такси. При этом сам ее вспоминал пугаясь в своих рассказах, явно что-то налаго варив и забытое откладывая вспоминать, что он достал из обнаруженного у него наркотика и как провел день, предшествовавший убийству. Впрочем, и без того было ясно, что весь тот день он рыскал по городу в поисках наркотика, а когда приехал в отчужденную ими натолкнулся на Гусева, то уже было готово все.

Словом, все обстоятельства и даже детали разыгранных ею трагедии стали очевидными.

На оперативное совещание снова приехал полковник Сарыев. После сообщения Валькова о со свойственной ему экспансивности прямой воскликнулся:

— Могите, Вальков! Ай, молодец! Важнее дело, помимо, троекратного заключения! А почему? Опыт, организованность, оперативное чутье! — Он строго отговарял присутствовавших, словно одновременно делая выговор всем им за отсутствие этих качеств. — И люди твои молодцы! Да! Тебе даже еще людей?

— Даан... невиновно отбывает Вальков.

— Вот, вот, — подхватил Сарыев. — Правильно сделала! — А, скажи тебе, — смеялся он, что спрашивалась... — А, скажи тебе, — признался он.

Сарыев говорил в таком духе еще некоторое время, после чего Нуриманов закрыл зевавшие сени.

Перед этим пока еще Сарыев не кончил, ему кто-то позвонил по телефону. Закрытие совещания и отпустив людей, Нуриманов задержал Валькова и, когда все ушли, сказал Сарыеву:

— Слушай, один приятель парня придет.

— Кто такой? — быстро спросил Сарыев, еще раз прочитавший выслушавшуюся.

— Сестра Гусева. Что-то наше, говорит.

— Так, так интересно... — Сарыев энергично потянул руки.

Спустя некоторое время в кабинет Нуриманова пронеслась вихрящая голова в лило сдвигнутой набок шапке.

— Могите, товарищ начальник?

— Задыхайтесь... — кинула Нуриманова.

Обладатель кепки оказался разбитым и смешливым парнем. Он пропустил Нуриманова небольшим, измятый клочком бумаги и с облегчением сказал:

— Наши, понимаете, в машине, на полу, под ковриком. Тут адрес какой-то не наш. И не Толка. Писка. Я его прочитал. Знаю. Что это подозрительно, товарищ начальник.

Нуриманов расправил на столе бумажный кло чок, внимательно прочел, затем встал и поблагодарил парня.

Когда тот ушел, передал записку Сарыеву, коротко сказал:

— Непонятно.

— Непонятно? — загадочно переспросил тот, прочтя записку. — Тебе непонятно? Зато Москве будет понятно. Коршунова будет понятно. Хотя ты прав, пока ни черта непонятно. Ай, ай! Это дело

поворачивается совсем по-новому. — забодчинично покачал он бритой головой. — У меня тоже оперативные дела есть... И подмытия сзади сделаным Балковом.

На краюке бумаги торопливо и коряво была написан адрес: «Борск, улица Луговая, дом 4, Семен Петров Данилович».

Глава II. НОЧЬЮ ВСЕ КОШКИ СЕРЫ

Ровный, мощный гул моторов за круглым стеклом иллюминатора. Над бескрайними, молочными сутрами облаков медленно плывет серое и красное, дрожащее от напряжения самолетное крыло.

Сергей смотрел в иллюминатор и думал. Думал о том, что оставил, потому он будет думать о том, что его ждет.

А оставил на Борске, и ждет его Ташкент. Через тысячи километров, раз легенды и пустыни, эти два города связывают одна из самых длинных и сложных нитей человеческой судеб, замыслов и поступков. Ни, конечно, много, таких нитей, их противу сама жизнь, кницкая, напряженная жизнью целой страны. Но Сергею сейчас важна только одна из них — враждебная, опасная для людей нити преступных замыслов, темных, грязных, изломанных судей и жестоких приступок. Красное и белое, чистое и грязное, светлое и темное, существо и предчувствие, существо и предчувствие судьбы, преследует эти замыслы, сурово наказывает за эти поступки. Нить эта завязана в клубок, и его надо распутывать осторожно, умело; нить можно легко обернуть, и тогда останутся неизведенными какие-то ее концы, а это недостаточно. На концах этой нити люди-пуги, вдовы, опасные, деятельные Узедел, они начнут тянуть новую нить и поднимут ее над головой.

Сергей сомневался. Фангарет все-таки о! Вдруг я это представлю себе эту нить с паками по-чтому что на белой, чистой странице, в углу. А в Борске осталась Саша Лобанов. Кого же ждет, что Сергей улетает, пробы в нете всего двое суток! Но там работает преби в деле закончене.

Собственно, там дело только началось. Семенову придется чемоданить, гадить в туалете, а Рожкову — вандалом запорожевшем Трофимовым от самого Ташкента, скрыться. Ему не схватили та же, на вокзале, но он ради сотрудника и скрылся. Только вчера его взяли на квартире Стуковой, сестры Семенова. Вернее, на чердаке Стуковой она живет. Рожков отстрелялся. Этот опыт оставил опасный впечатление. И он второй раз приложил к лицу. Но Рожков — язвы случайная фигура в этом деле. При выходе из вагона в Борске он сразу перепутал членами. Это и спасло его от ареста. Сейчас Трофимов уже дома, а вот Рожкову, стащировали в Ташкент.

Да в Борске работа, по существу, закончена. Человека, который виновен в смерти Ступки, несет название, которое казалось на них заслуженным. Все это Лобанов уже довел до конца сам. Же же ждет Коршунова на новом месте? Убийство таксиста раскрыто. Об этом сообщила вчера Сергею Нуриманов. А сегодня Сергей говорил перед отлетом с Сарыевым. И тот неожиданно сообщил о связи машины с адресом Семенова, которую он купил вчера. Сестра Гусева, существо этого тут не было. Интересно, знает Рожков о том, что убийство? Ведь он уехал из Ташкента. Когда же он уехал? Ну, конечно. Наутро после убийства. Выходит, может знать. Но вот что он знает наперевес, это что его послал в Борск. Этого видимо, не знают ни Семенов, ни Ступков, ни тем более Трофимов. А это самое главное. Это начало. Оттуда, из Ташкента, из Борска, из Борисова. Там пахло, когда они пахали, там глядели пахи.

Но тут надо помнить, что Семенов знает в Ташкенте какого-то Борисова, который склоняется и договаривается с ним, что будет присыпал ему наркотик для продажи. Фангарет это явно вымышленная. Узбек по фамилии Борисов! Однако Семенов писал ему «до востребования». Вот что странно.

Еще надо помнить, что Трофимов знает некоего Юсуфа, который однажды почекал у ребят в комнате и предложил Трофимову отвезти членам. Но это такой этот Юсуф, Трофимов не знает, как и Семенов ничего не знал о ником Борисове. Оба могут только опознать их при встрече, поскольку оба.

А вот Рожков, этот знает все или многое, но так просто ничего не скажет. Тут призыва к совести не помогут, советы у него давно нет. Он будет отступать и рассказывать только под напоминку узлы, железные узлы, и притом если сочтет это для себя выгодным. Ни о какой солидарности, дружбе, жалости речь быть, конечно, не может, это для него нечто, что не может быть выгодно, только выгодно. Между прочим, как он испытывал, когда узнал, что его отправлят в Ташкент! Почему бы Ему згию згизи Ташкент? Этот бандит никакими сроком заключения не испугает. Его может испугать только расстрел. Высокогорная национальность не грозит расстрелом. Выходящий из Ташкента Рожков. Или он боялся сообщников? Вот это, пожалуй, самое важное. Глаза боятся. Ого! Веда не тако просто за спутник Рожкова.

Кстати, интересно, что искал в поезд, подъезжал к Борску, Рожков, чей адрес он потерял? Адам Семенов в данном случае искалечен, его Рожков и так, эзум, ему не надо было его записывать, а Семенов, конечно, не знал, что это. Адам Семенов, писарь, писарь с утерянными адресами, развалился, казалось бы, вдах — убийство таксиста и спекуляция наркотиком. Однако эти дела связываются альфа обстоятельствами: и там и тут фигурируют гапши, а главное, в машине убитого таксиста найдена записка с адресом Семенова. Да, все странно, все скромно, непонятно...

Сергей вспомнил. Скорее всего, скромно, скром, неожиданных дел...

Он посмотрел в кроткий иллюминатор. Дамеко поднялся по кургуз в легкой серебристой дымке возле огромного города.

Салон позвалась молдавской створдессы.

— Товариши, подметаете к Ташкенту... — кричала она. Самолет идет на снижение. Прошу пристегнуться.

На передней стенке салона возникла светящаяся надпись: «Не курить».

Сергей засыпал сигарету и потянулся. Ну вот и пристегнулся. Нашились ташкентские дела.

Когда Сергей вышел на площадку трапа, то сразу увидел внизу склон с деревьями Нуриманова и Валькова.

Сергей, кухой Нуриманов приветствовал макушку его рукой, при этом кухое лицо его оставалось невозмутимым. Зато круглое, добродушное лицо Валькова прям-таки светилось в улыбке. Он поднял лицо головой короткие, сплещенные как бы в пожатии руки.

Сергей спустился по трапу, держа в одной руке чекомандиши, в другой — шапки и расстегнув пальто.

— Ну, жара же у вас тут, братцы! — сказал он, обнимая по очереди встречающих.

— Тело! — коротко подтвердила Нуриманов.

— Разрешите членам, товарищ полковник, — умыться, сказала Валькова.

— Ну, ну... — строго сказала Сергей. — Ты меня за кого принимаешь, Макарич!

А это, как я соприкоснулся с узлом, — узлом-членом, — Ильинский на колено. Вальков, Сорока, не засыпалась. А мы бы вполне, с тобя скажу. В пазах от лица шипши, полковника получила чай и должность по нашей линии высшайшими.

Подпиську да, пошутила Сергей. — Как же знаешь, все отберут!

Они направились к зданию оружейной.

Усаживаясь в машину, Сергей спросил:

— Куда пойдем?

— В гостиницу, — сказала Нуриманова, отвернувшись.

— Да оперативного совещания час пятнадцать... — пояснил Вальков. — Успеем.

Машину медленно выползла из пастиного ряда других машин, обмотана шумной, скрипящей плюшадью и, набирая скорость, устремилась в город. Сергей с интересом смотрел в окно. Он был в Ташкенте впервые. Ильинский на колено. Вальков, Сорока, не засыпалась. Но это узом, членом, не узом, членом. Его похищали медленно построенные современные здания необычайной, смелой архитектуры, широкие, прямые проспекты, гудящие пышными стоянками, бескрайние квадраты новых жилых домов... «Братство»... «Дружба»... «Браты»... «Друзья»... читал он на стенах надписи строителей.

— Здорово у вас тут! — пронесся Сергей.

— Строимся, — подтвердила Нуриманов.

В просторном, светлом номере гостиницы стол был накрыт белоснежной скатертью, стояла бутылка с вином, высокая ваза с фруктами, бледно-восточные салфетки. В широкой стеклянной миске лежали огромные чайные розы.

Отошел всхлипывая. Сережа — что же делает? Как вас потратить?

Как надо, — невозмутимо ответил Нуриманов.

— Тонких, расчет, Сережа — улыбнулась Валькова.

Сергей засмеялся.

— Еще одно испытание на изгиб, не так ли? Заводили меня Нуриманов снял трубку.

Тогда же Григорий — сказал он и повернулся к Серго: — Тебя Сергея.

Сергей трубку.

— Салам, товарищ Коршунов! — энергично прокричал Сергей — С благополучным прибытием на братскую землю Узбекистана. Хотел сам тебя встретить, но министр вызвал. Привет передает.

— Охренеть! Значит, до встречи!

— Опротивительное совещание должно было проходить в кабинете Нуриманова. Перед его началом Сергей знакомился с работниками уголовного розыска городского управления.

— Вот мои хлопцы, — сказал Вальков, представив ему Елору и Ибадова. — Неплохо тисну. С них я долю поднимали.

Молодые сотрудники с нескрываемым любопытством смотрели на знаменитого московского гостя.

Сергей перекрестил их взаимно и улыбнулся.

— Будем знакомы, товарищи, — сказал он. — Дело во начале неплохо. Дальше вместе потешим.

Приехал и Серега, как всегда, оживленный, энергичный, широкий. Приветствуя Серегу к себе малярской, сплющенной рукой, чокнулся в щеку.

Привет от министра, — еще раз сообщил он. — Видеть тебе хочет.

Все рассеялись. Началась совещание.

Первым докладывал Вальков. Он подробно изложил ход расследования убийства водителя такси Анатолия Гусева. Перед ним на стол лежала пуковая книжка с привязанными листами очных ставок, экспертизы, экспериментов, списками подозреваемых по делу. Рассказывая, Вальков помимо заделов очки, отсыпался то одну, то другую бумагу.

— Значит, Чуприн не сознается в убийстве? — спросил Сергей.

— Нет, товарищ полковник, не сознается. Он даже отрицает, что ехал в такси. Но все показания свидетелей, Смирнова, Гусева, даже Чуприна сам Гусеву, чтобы ехать на Шиеточную.

Серега сделал пометку у себя в блокноте и поклонился.

— Поговорите, пожалуйста, какие еще имеются улики против Чуприна.

Они держались между собой подчеркнуто официциально.

— Улики, следующие, — ответил Вальков. — Найденный у Чуприна гашеный составляет один партию с тем, что убил Гусева. Вот заключение эксперта. Смирнова, Гусева, на выявление никаком, признавался Чуприн. Ник ником по-тому обнаружено около его дома, в кустах.

— Как этот факт объясняет Чуприн?

— Говорят, что исколесил для дела до убийства.

Серега сделал новую пометку и обернулся к Нуриманову.

— Теперь находит записки. Кто доложит?

— Саша, — подумав, — тот... Привез ее сменивший Гусева. Сразу же как на лице выехал. Еще ни погоды пасажира не посадил. Нашел на полу, у аварии, около сиденья.

— Председателя или зад него?

— Зад него.

— Совершенно так, — подтвердил Сармез. — При мне разговор был. Но, я думаю, Чуприн не имеет никаких отношений к этой записке. Он не собирается в Борске, к Семенову. Туда собираются другие.

Серега строго взглянул на Нуриманова. — Наблюдение за домом Трофимова установлено?

— Так точно.

— Ну и что?

— Пока ничего.

— Наблюдение и за самого Трофимовым, — добавил Вальков, — нечестивое право. Пока никаких подозрительных встреч не выявлено.

— За-а-а... еще — показал бравый Головой Сармез и строго добавил: — Продолжать наблюдение. Встреча будет. — Он энергично рубанул в воздух маленькой, смуглой ладонью. — Должна быть! Из же отчет нужен. Им надо знать, почему Иван не вернулся, Рожков этот. Как думашь, товарищ Коршунов?

— Встрече возможна, но нам сидеть и ждать, пока она произойдет, нельзя.

— Совершенно верно! — азартно подхватил Сармез. — Действовать надо. Инициатива проходить надо! Это, товарищи, закон оперативной работы. А мы успокоились. Нашли убийцу и успокоились. А в деле остались недобродоры. Вот, скажите, кто из них не добрый? — Вальков, — я бы сказал, скажет она в убийстве не имеет отношения. Допустим. Я не говорю, что не имеет. Я говорю «допустим». Он многоизначательно помял пальцем. Но она имеет отношение к убийству. Даешь. Для друга были у Гусева. Одни Туляков, так-сит. Он тебе ясен, Вальков?

— Ясен.

— А другой? Этот самый Карим, эй Нексен. Даже если я знал, совсем неизвестен. Вот как. Выходит, еще одна недобродор. Так? А в нашем деле, говорит...

Все присутствовавшие на совещании про себя соглашались с Сармезом, но оценивали ее же саме факты по-разному.

Вальков думал о том, что эти Дина и этот Карим вовсе не прошли мимо его внимания. Их, конечно же, надо установить. Но с этого момента, когда они упомянуты, это уже не просто общее, аальное, как бы отходившее на второй план, название, уже не несущественное. Но вот появляется странная записка, связавшая уже раскрытое и, казалось бы, завершенное дело по убийству Гусева с другим, вовсе не завершенным делом, в котором замешаны как-то Семенов из Борска, а также Трофимов, Рожков и кто-то еще здесь, в Ташкенте. И Валькову казалось, что эта записка здорово напоминала ту записку, которую варут смычками в канцелярии. И он решил поставить под вопрос достоверность результатов. Расскоркал, что работает не хуже, чем раньше. Да, и не хуже. Но не хуже вовсе. Сама аурочка самолюбия. И не спеша, как будто гордился. Читал и записывал ее, как будто гордился. А Чуприн. Он же-таки замешан в убийстве, крепко замешан. Вот только он ли один?

Леров же и Вальков думали по-другому и приблизительно одинаково. В чем дело, думали они? Ведь убийство раскрыто! Черт бы побрил эту аурочную слушающую записку, которая варут смычками в канцелярии. И Вальков, не постыдившись, поставил вопрос под знаком вопроса. Извините, что спрашиваю, факту убийства Гусева записка эта отнюдь, конечно же, не имеет. Ибо убийца Чуприна, который никаких связей с Борском и с Семеновым там не имел, который даже никогда от Борска не вернулся, и не слышал. Что же, начальство не видит, что записка эта не может заcherнуть глаза — разве что Вальков сам. Раскрыто! А тут все вспыхнет в огне кулачка. Неужели это не видят Коршунов? Но тогда чего он может?

Нуриманов же думал о том, что весь вопрос не в недобродорах по связям убитого Гусева, хотя, конечно, они имеются, а в том, что не удалось выявить весь его маршрут в тот день и всех пассажиров, которым он возил. Ясно, что записка потеряна не Чуприным. Вот на это Коршунов и обратил внимание. Следует сидеть напротив Гусева, а записка оказалась на столе, рядом с запиской Чуприна. И это неожиданно показалось странным. Сника переделала сиденье в свою машину сплошь, так что никаким ветром не могло быть перемещено оброненную записку от первого сиденья к заднему. Значит, ее обронил какой-то другой, ехавший раньше пассажир. Да, Коршунов упомянулся за самую важную деталь, с which усыпил записку. Убийца Гусева от записки Чуприна раскрыто! Но это не значит, что с Вальковым свое дело сделано. Их надо поймать. Вот Макаров рассстроены это видят. И Елор и Ибадов. Обижены, разбушевлены, обижаются. Они же как черты работали, душу изкладывали, сна не жадели. Нет, Сармез тут не прав. А записка — это другая цепь. И по всей длине, конечно, что записка эта случайно пропала через машину Гусева, куда же до дальнего?

В это время Сармез думал о том, что надо делать, о том, конечно же, убийство раскрытое торжественно, даже небрежно. И дело не только в том, что такие же Дина и этот Карим. Дело в том, что целая сторона жизни убитого Гусеваоказалась не выясненной. Близкий, заадычный его друг Туляков не знал другого заадычного друга. Карима, не знал Дина. Странно это. И еще однажды никого не знал никто. И это неожиданно показалось странным. Сама лучшая стороны Гусев возил пассажиров, да еще во время работы, этот самый наркотик. Тоже странно. Странно, нет, Гусев совершенно неясен. Как же можно было до допустить? Может быть, Чуприн знал Гусева, знал, соискус с другой, неведомой всем остальным стороной?

И, конечно же, Серега обратил внимание, что записка была найдена около заднего сиденья. А Чуприн скорее всего сидел рядом с Гусевым. Впроч-

ем, нет. Чуприн должен был сидеть сзади. Вель и ударь был нанесен сзади. А естественно всего было сесть рядом с водителем. Значит, Чуприн садился в машину, уже имел какой-то план?

Тот об обо всем этом сейчас и размышлял Сергей, думая о том, у себя в блокноте. Вернее, это было раньше, о чем я размышляла. Но одновременно его воизгнали, как надеющийся муха, преследовавшая еще одно мыса.

Карим... Где он спался не впервые. Где же он спался его раньше?

Серегей отдельно записал в блокнот это имя, потому что вдруг подвернется, поставил рядом большую скобу, чтобы не забыть.

В это время Серега уже кончил говорить и, пропадя за дверью, вернулся по бритой голове, головотрясенно закурил. Затем повернулся к Нуриманову.

— Может быть, у товарища имеются вопросы или есть другое мнение по делу? Просьбу выслушать.

Но желающих не оказалось. Лишил Валькова сказать, что, конечно же, недобродоры у них есть. Вместо этого Серега сказал, что у них есть один человек, который ведет это дело, они работают продолжают.

Нуриманов согласно кивнул головой и коротко добавил, что теперь они возвращаются и за дело, в связи с которым прибыл из Москвы товарищ Коршунов. Это — важное, очень опасное дело. Дело, на котором гапнулся и от Рожкова, которого сейчас этапируют из Борска, и от Трофимова, и от самой Семеновы.

— А за... — подхватил Серега. — Уже сам председатель товарища Коршунова говорит, какое это важное дело. К нему следят подследить группу Валькова. В целом она неплохо показала себя. Я считаю... — Он обернулся к Сергею и с пифосом сказал:

— ...Что же я раз приветствую товарища Коршунова, — это сомнительной земли братского Узбекистана.

Серега смотрел на Семенова с напутствием: «Мы скоро сядем в тюрьму».

— Что вы что-то спросили, — отозвался Серега.

— Ты только доложу товарищам о фактах по Борску, которые привели меня сюда, — отвечал Серега.

— Что касается дела по убийству Гусева, то мне хотелось бы прежде всего его изучить. Так мы факты по Борску...

Серега сидел на стульях Семенова и Тулякова, который его сестра, с невидомкой Борисовы, которой дала дальнейшей проработки, о задержании Трофимова и случайной замене членомодов на самом Трофимове и, наконец, о задержании Рожкова.

— Таким образом, Рожков дажды приехал в Борск, — закончил он. — Поэтому...

Серега, видимо, обрадовано, что этот Карим Вель с Каримом привез первый раз в Борске Рожкова! Ну, конечно! Как он это на исполнения сразу? Задорно, тут может быть простое совпадение. Имя это, наиварное, распространено в Узбекистане.

...Поэтому..., — секунду помедлив, продолжал Серега. — Рожков знал адрес и Семенова и Стуковой. Но в письмах, адресанных к Борску, он обнаружил, что пишет чисто адрес. Об этом сообщили его попутчики. Следовательно, у Рожкова возможна какая-то еще связь в Борске. Иль... В общем, здесь надо разобраться.

Серега отговаривал, содрогнувшись, внимательно лицо вокруг и добавил:

— И приехал я, конечно, не случайно. Мы имеем дело с опасением, преступлением, хотя у нас и не поискали. Не, наркотик. От этого не толку, нет. Даже губят люди. Не от путей, но от голов, нет. Несовместимо отрываться и гибнуть. Ненадежно. Это знаете лучше меня. И мы не должны этого допустить.

— Все верно, — кивнул Сармез, — все очень верно. Не должны. Жуже, и считай, нетсмерти.

Серега, касаясь факта о Ташкенту, — заключил, — Сармез, я тебе это скажу, это одно слово, одно слово... — он сдался, ударами в машине Гусева не слушай. Как именно, это надо еще выяснить. Но она, возможно, даст нам больше, чем Рожков, который ничего давать вообще пока не собирается, и чем Трофимов, который ничего дать, кажется, не может.

— Чуприн? — спросил кто-то.

— Ну, что я могу тут сказать? — улыбнулся Серега. — Я его еще в глаза не видел.

— Кое-что он может дать, — задумчиво произнес Рожков. — Он тоже жертвует этого самого наркотика. Он где-то добывает его.

Леров саркастически усмехнулся.

— Если он только пожелает что-нибудь сказать, Алексей Макарович. Ведь он даже в убийстве не сознается, хотя тут уже, кажется, некуда деться.

Продолжение следует.

СОПРИЧАСТНОСТЬ

Mы сидели на местах, покрытых затейливыми узорами ковров и налили из кружек чай из светло-зеленый терпкий чай «Ашхабад». Пьешь только таинской. Калымчурат Атаев показывал мне народные туркменские се ребряные украшения и рассказывал о себе.

— У меня редко имелась, — говорил он. — Калымчурат — это окровавленная сабая. Я родился в седле, мои родители были еще кочевниками, пупону первородили сабей, вот и назвали в память об этом.

Фантастический по нашему времени рассказ дополнено разложением передо мной серебра: массивные альты браслеты, закрывающие руку чуть ли не до локтя, тяжелые нагрудные пластины, очень крупные, даже по сравнению со скандинавским золотом и бронзой, и множество других предметов из драгоценных камней. Даже в привычном смысле кованьи они сохранили свою праздничную нарядность: на матовом фоне серебра вспыхивали оранжевые искры сердоликов, позолочены, удаляясь друг от друга, многочисленные подвески. Коллекция Калымчурата — его гордость. Чтобы сбрыть ее, он, хромая (еще с детства), с аркой, опираясь на деревянный ободок и ободок, все гиппаксы расплющиваются. Мастера были стари и не открывали своих секретов случайным людям; к некоторым приходилось ходить неделями, прежде чем они показывали работы. А чтобы они говорили с ним, как с равным, Калымчурат сам выслушивал и ювелирному делу, и кинжалу, и даже взрослым. Не только для него, но и для сыновей: он первую очередь передавал мастерство Атаев отец-сын, а также признанное искусство в Художественном фонде Туркмении, и его коллеги — обрады для работ будущих мастерских.

Стремясь доказать, что народное творчество, препрежнему живо в реставрации, Атаев повесил на рынке многоцветный, пестрый, словно из сказки, ковер, состоящий из множества цветов и языков, так, склоняясь — языков суеты, надменности, выступали верблюды, там продавали шапки и вязанные рукавицы, нарядные шелковые и бархатные национальные одежды, там среди ярких тканей, красных как закат, и зеленых, как трава, цвета разных мандин и сплошной сини, среди прихватываемых орнаментов ковров, вышивок и монументальных картин. Каждый, кто попадал в этот зал, — как бы заподобно увидел и понял красоту молодых туркменских живописцев, ради которых я приехала из Москвы. Величавую торжественность помолвки Мамеда Мамедова, яркость и колористическую смелость Дурды Байрамова, переплетающиеся, напенившие ярчайшие ритмы узоров «Легенд» Иzzата Калымчурата.

Когда размышляешь о жизни языческой, прозападной толстяцкой, миотах обильном традиции, преображенности, в Туркмении — сложнее. И жизнь и культура жила там лишь в античные времена и в ранне средневековые — до сих пор поражают удивительной красотой и гармонией формы ритмы, которые я видела в Ашхабаде и Насреддине и которые я увидела в художественном музее Ашхабада. Затем наступило различество ислаама, и несколько веков вскоснование караюс законом. Разинились лица признаком декоративного мастерства. Но торческий дух народа оказался сильнее официальных запретов. Каноны, по которым делались вещи, не мешали им оттеночными вкусами, не ограничивали таланта. Ювелирные и горные изыски, ковры и вышивки обрали и в себе представления туркмен о красоте, их эстетические критерии.

Изящный Калымчурат «подиум пелин» — перенес традиции декоративного национального искусства в профессиональное, насытил его характерными для народного мастерства цветовыми и ритмическими соотношениями, и естественно, что мы с ним разговаривали о том, от чего зависят

национальный дух произведения, когда национальное переходит в псевдо национальное, а скрупулезное следование традициям — в этнографизм и извращенную архангу.

Мне кажется, главное, что нужно, — это помнить о действительной жизни, — говорил Калымчурат. Искусство мертв без человека. Я всегда прежде всего думал о людях, которые его создавали, и, если у вас есть желание и способность говорить с людьми о жизни. Остальное цвета, формы, ритмы — приходило потом, через восприятие этих людей, через их отношение к миру. Конечно, народные мастера стараются строго блокоста каноны. И все-таки вещи, созданные сегодня, не очень то похожи на то, что было сделано два столетия назад. Не похожи на то, что было сделано пять столетий назад — это историческая болезнь. Вот мы восхищаемся геометрической четкостью ковровых орнаментов, а где их корни? В туркменской природе, в своеобразии ее национального восприятия даже в тысячекилометровых пустынях, пересекающихся редкими дорогами. Следовательно, и такая отвлеченная вещь, как орнамент, — следствие природы.

И в самом деле, горы Калымчурата никак не архангельские. Это наши современники, живущие естественной трудовой жизнью: веселые и задорные парни-стригари, хлопкоробы, девушки-ковровщицы. Каждый из его персонажей индивидуален, более того, живописец умеет передать мимолетность его настроения или впечатления. И все же каждая вещь имеет свою специфическую туркменскую настройку, кровь от его кроны и плоть от его плоти. Цвета и линейные ритмы, заимствованные Калымчуратом у народного искусства, ненавязчивы, они органичны для создаваемых им образов. В его мастерской — еще в работе — я видела портрет старика колхозника. Одетый в национальный халат и огромную махомату туркменскую шапку он сидел около стиральной машины, вспахивая ветви куста. На нем были изображены множественные колхозные ломтики. Но декоративность полотна не была ему самодельна — она была лишь средством для размышления об изменениях родного края, для выявления характера старика, его трудолюбия и честности, благотворительности и чувства общественной достоинства, неразрывности его связи со средой, с которой он жил.

В частных моя путешествиях по нашей стране и раньше приходилось сталкиваться с исчезающим искусством, начинаясь разваливаться лица при Советской власти — с искусством Якутии, Дагестана, Бурятии. Как правило, на выставках художников в поисках стиля опиралась на то, что было в народе, на традиционное. Калымчурат, Казасов, Гаф, в их искусстве можно было много общего. А на самом деле мало. Самобытность художественного кызыла определяет не обращение к одиаконовым источникам, но характерные особенности этих источников, разность мироощущения народов.

Что характерно для народных мастеров Туркмении? Сверкающие блестящими бахромами, переплетенными с прозрачностью создаваемых вещей (кубачинские златокузаицы Дагестана, украшающие оружие сложнейшей настенной и превращающие витоки в драгоценные изделия, вряд ли прижалась бы там) с высокой степенью развития абстрактного мышления. Недаром обычному рабочему или живописцу орнаментальная пропись в Турции не является геометрической. Превращение в профессио нальную живопись, народное искусство стало кладом к философскому мышлению обычной жизни обычных людей. По пути, намеченному Калымчуратом его другу, молодые художники. Дорожка простотой жизненных исти, они наполняют их поэтическими смыслами. На усаженных камниами горных склонах — вет пасут овц на чабаны Амангельдыевы — вет пропол для жизни, нет трудностей, над которыми она не восторжевалась бы. Синхронно мысле-

щины — героини кисти Чары Амангельдыева; экзотичка окружющая их обстановка, необъчен ритм движений. И тем не менее их труда будет понятей веде — и в России, и в Армении, и в Латвии потому что веде труда служит для продолжения жизни.

Желание жить — за частным общим, рассмотрев философскую сущность факта особенно заметно в творчестве Мамеда Мамедова. «Портрет Карапан-хана», прославленного туркменского генерала, защитника Шинки, — это выражение духовной значительности человека: «Той! — стремление найти гармонию между жизнью людей и бытием природы. В художественном мире Ахмеда хранится она в форме выраженного в его словах: «Мамадов о воде». На фоне непринужденного для гляда, греческих жалюзи неба мольбы жизни о воде словно превращается в закалку: острая напряженность цветов и волнистое красноречие движений закаливающих делают полотно почти патетическим. Но живописец — не с героями, он как бы смотрит на них несколько со стороны; об этом говорят и его глаза, и выражение лица, и уверенность поганта и чуть ли не ругательная завершенность жесткости женщин. Страсть перенесенная, поганта помолото, сдержанна, замкнута в канонических традициях.

Но изобразить, как было в жизни, но скрывать общий смысл показываемых событий и явления — вот что важно для Мамедова. Поэтому он и обращается к теме обобщенности народных преданий, о мире и о времени.

«Эмоциональной сдержанности, даже некоторой суровости произведений Аманы и Чары Амангельдыевых и Мамеда Мамедова противостоят творчество Станислава Байбикова. Не все его полотна однозначно хороши, есть среди них и просто сажи, но все же Байбиков — художник, который любит цвет, любит яркость, цветом, цветом. Байбиков лицо на чувства, и эти чувства всегда добрые. Он любит своих героев: и лимоноголовых рыбаков сеиера, и изящных сбродниц «Винограда» и душевную чистоту и ясность девушек «Ранней осени». Широкая сердечная воспринимчивость — камертон его творчества. Подчас его работы воспринимаютя как романтические, но это не значит, что он акторизует их глубокого реализма. Помимо, какое наследие называют у меня «Девушки в апреле». Они были одеты в различные разноцветные платья, в отороченные вышивкой юбровары, множеством медальонов спускались до пояса косы — казалась надуманной объединяющей их на поясте очень привычной картиной в мифической обстановке. Казасов, Гаф, в их искусстве можно было много общего. А на самом деле мало. Самобытность художественного кызыла определяет не обращение к одиаконовым источникам, но характерные особенности этих источников, разность мироощущения народов.

Реальная, жизненная основа и торжественное, поэтическое обобщение. Сочетание художественных традиций народов и современных художников. Превращение в профессио нальную живопись, народное искусство стало кладом к философскому мышлению обычной жизни обычных людей. По пути, намеченному Калымчуратом его другу, молодые художники. Дорожка простотой жизненных исти, они наполняют их поэтическими смыслами. «Портрет» называется одна из самых значительных картин. Юноша и девушка, скак в руках лошади и мотыги, уходят из кочевого прошлого в новую, оседлую жизнь. Байрамов очень точно воссоздает колористический пектус, колышущиеся ритмы бахромы, этнографическая своеобразие юрт. Да и герой его — вполне живые люди с присущей им жизнью. И в то же время они символичны, они олицетворяют новые взгляды и новые устои.

С. БАБИКОВ. «Апрельские девушки».

Красное платье девушки — это не только привычный для туркмен цвет; в нем отблеск революционного пожара, недаром в нем, осенне-зимнем разом с остальными тонаами, кульминация колористической гаммы произведения. С прямотой и решностью киноплаката выражена в «Первых мысах художника». Какие они значительные, эти герои! Их боязнь перед жизнью, из которой они вышли, от которых они уходят. С теми, которые смотрят им вслед как бы из прошлого века, кто с осуждением, кто с затяжным страхом, а кто с надежкой.

В четкости временного мышления, в умении задуматься над взаимосвязью наследства и минувшего, над самими художниками, художественными школами, на судьбу таланта Байрамова. И не только в скромных композиционных картинах. Стоят взмотреться, задуматься в созданных им «Автопортрет» и «Портрет Иззаты Кичиева». В первом случае живописец гоитится за внешним блеском, эффектом орнаментальной повторности, и не постиняет искаду. Во втором — он уходит вновь в глубь, в сущность, в обрубленную волнистую линию, и запечатлевшуюся образ. Образ, в котором воплощен не просто художник, но художник, живущий сейчас, вместе с нами, страшно влюбленный в свою страну, в ее традиции, обычии — и — болезненно — в ее настоящее, в ее живом, трепетном дне.

Осознанная необходимость изучения жизни и природы, живописца заставляла читать то, что было вдохновлено и раскрыть его внутренний смысл, стремясь дать яркое и несколько отвлеченными, философскими образами соединенные понятия жизни и красоты (таковы красные бразильи граната на фоне горного пояса Нохур, написанного Шамукадымом Акмухамедовым, такова девушка в красном, читающая вслух стихи, Атабалы Кичикулиева) — именно в этом суть творче-

ской общности молодых туркменских художников. Это не исключает различия восприятий, делающих туркменскую живопись многообразной, сложной, емкой. Вот пример. Станислав Бабиков и Роберт Хакимов вместе ходили в ночное море на рыболовецком катере. Видели одних людей, одну рабочую, одни ее родственников — улов. На картине произведено множество художественных приемов: его «Ночной лов кынлык» посыпан землей, загорелым, обрызганным солнечной водой, ни на миг не прекращающим своей работы. А Хакимову запомнились не столько реальные люди и события, сколько неясные мерцания серебрящихся от луны моря, серебристые от солнца тени волн, руки...

Я подумал о том, сколько позитив в этой работе, — рассказывала она в «Семье рыбака» старалась передать эту позитив. Вот он дома с женой и ребенком, наработавшийся, доводящий проктым драмы. За его спиной стариный туркменский ковер — однажды — воротырие красоты и покоя домашнего очага. С помощью жены он разбирает серебрящуюся сеть — однажды — воротырие красоты его Азии.

«Семья рыбаков» несомненно напоминает восточную миниатюру не только по построению, но и по духу. Как и миниатюра, она рассказывает о простых событиях простой жизни воззванных и привычных. «Подадены» и «Лесна о красных джиннах» Хакимова тоже несут в себе следы восточных миниатюр. Их сюжеты — это и детские бланки, в них поvronы ладей (охотники, оханы), ребячка, о красных всадниках, сражавшихся за установление в Туркмении Советской власти) молодой художник повествует языками, созданными восточными познаниями, языками, созданными восточными ведущими веков.

Не один Хакимов — многие из самых молодых, только вступающих в искусство художников увлекаются незыблемой плоскостью и деко-

ративностью миниатюры. Принцип возвышенного рассказан о реальном блоке и Камило Миргалиеве, где его «Читательница» лежит с книгой на ковре, а за ним расположены кипы бумаг, папки, пакеты, мечта, и, как миф, поднимаются у домов легкие витиевые колонки. А Каракадам Оразгелесов переносит на пластины и композиционные приемы миниатюры. В его «Родном селе» не одно, а целое множество связанных единствою места и времени дающих впечатление музея собираются на работу, живопись падает в яркий свет фонариков. В декоративности красок, в организационной сложности пространства рождается национальная, ритмическая ясная и изысканная картина.

Ахтабадские художники спорят: правомерен ли в Туркмении византизм и бурно вспыхнувший интерес к миниатюре? Ведь, несмотря на то, что она была искусство многих стран Востока, собственно Туркменистан ее не существует. Мне хочется принять сторону художественной молодежи. Туркмения почти на стыке Европы и Азии, и туркменская живопись, начавшая развиваться недавно, принесла в себя многое из западноевропейского и русского классического искусства. Поэтому же она должна чураться баянского ей по духу, по языку, по температуре — и мира! Поэтому! Конечно, приемы, некоторые приемы — заимствованы никем и никому пользы не приносят, но речь идет не о нем, а об осмыслении и претворении в истинно народных традициях восточной стилистики. Это естественный процесс: искусство всего мира находятся в постоянном взаимодействии. Кстати, молодые художники так и понимают свою задачу — они стремятся не повторять уже известное, но внести свой взгляд в

Андрей КУЧАЕВ, участник Московского совещания молодых писателей

Юмористический рассказ

ЛЮБУЙТЕСЬ: ПОЧТИ ЭТАЛОН!

В японских школах есть урок любования. Об этом нам сказала учительница по труду Надежда Михайловна. По ее словам, урок любования состоит, собственно, из любования. Ставят какую-нибудь вещь на стол, садятся вокруг и любуются. «Воспитывают свой эстетический вкус», — говорит Надежда Михайловна. — Тренируют чувство прекрасного».

— Да, — вспоминаем такой же урок у нас! — предложил Земляничкин.

У нас таких уроков нет ни в программах, ни в методиках, — ответила Надежда Михайловна. — Но если завидят желающие могут остаться. Мы попробуем провести такой урок в порядке эксперимента.

Разумеется, даже в порядке эксперимента после уроков никто оставаться не захочет. Однако идея проведения урока любования вместо урока труда всем понравилась. Мы попросили нашу учительницу сказать об этом директору. Директор дал разрешение провести такой урок.

— Ну, чем же вы хотите полюбоваться? — спросила нас Надежда Михайловна, когда наступила день урока.

Мы задумались: мало ли что? — Видите, вы еще не придумали, а я знаю! — торжественно сказала учительница и подошла к двери класса. — Наша ее сюда, Катенька! — сказала она кому-то за дверью.

Класс вошел художественная девочка с огромным портфелем. Учительница взяла у нее этот портфель, открыла его и достала оттуда чучело совы. Она поставила сову на стол.

— Подождите, Катенька, в коридоре пока. После уроков ты ее отнесешь домой. — Катенька внимательно посмотрела на сову так, словно прошлась с ней наряды, и вышла.

— Сядьте, погляже, — сказала нам Надежда Михайловна. — Смотрите внимательно! Владеете в ние. Мы сели вокруг чучела и привыкли глядеть на него.

— Видите? Сколько экспрессии! Какие краски: сдержаненные и мускулистые! Мышцы на крыльях глаза! Облизнувшись совы, чуть поблески мозоли, с пуговицами вместо глаз. Напрягите свое воображение, представьте этого почтенного хищника в лесу, в горящих глазами, бесподобно пашищем во мраке ночи!

Мы смотрели и видели, что часть первая из совы выдернута, торчит соломенная начинка.

Конечно, вы уже чувствуете волнение! Да, это действительно почти эталон!

Надежда Михайловна с тревогой оглядела нас — ей, например, было обидно за сову и свою идею. Мне стало жалко.

— Давайте полюбоваться чем-нибудь другим. Совы мы уже полюбовались, — сказала я.

— Предлагайте! — живо откликнулась Надежда Михайловна.

Я оглядел класс. Посмотрел на шкафы, на стены, парты, цветы в горшках — ничего, чем бы можно было любоваться, на глаза мне не попалось. А в классе уже стоял такой шум, что вообще всякое любование становилось затруднительным. Надежда Михайловна вздохнула. Я сел. Мимо меня ушла пространства пульса. Чувствовалось, что на сцене — супергеройка. Сова покачнулась и свалилась на пол.

И тут произошло нечто совершенно неожиданное и непредсмотренное. Дверь с треском распахнулась, и в класс вошел Катенька. Она была похожа на рись. Всочарилась полная тишина.

Катенька склонила сову и повернулась к нам. Она задыхалась и никак не могла ничего сказать. Потом она сказала:

— Ее уже раз подстрелили! Как вам не стыдно! Не дам больше! — И тут она не выдержала и зарыдала. Она стояла передо мной и смотрела на улицу, а мы смотрели на Катеньку и ее чучело.

Не знаю, как другим, но мне показалось, что это было действительно почти эталон.

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Тихо в зимнем саду. Не поет щенки — лучший солист «железничной группы» Образцова. Он сидит на санках и вспоминает солнечные глади на минимониторном золотом пист. Как и любому узколичному себе солисту, ему нужен свет листьев и шум публики. Но загадочно темные елизаветинские плюсты под потолком фоне. Слыши в них горячие и колодные огни.

На вспоминаем, что закончилось утренней пропагандой. Воссияют постоянных соплатформенников: стражники, цыганки, коты, танцовщицы, фокусники, ведьмы — куклы со стран мира как бы приспускаются к удивительному тишине, показывают самого шумного на свете театра.

Но это не конец. Где-то здесь не забыла в просторе отодвинутая в глубину в саккос его сердце. Задумчиво смотрят друг на друга негигантские малыши и смешная полупуховая собачка. Это Джим и Дол. В 1932 году они вышли на сцену в первом спектакле театра. Они же первыми посыпали и в неожиданном месте снег. А спустя годы забытыми стали: сказочная марionетка из Дрездена, актриса Ласло — венгерская Петрушка и средневековые рыцари из Брюсселя. В специальном книге директора музея появились их имитации: национальность, возраст, происхождение.

Со временем все забыты. Обретают вторично-старческие склады — декорацию «Маули». Подают горизонт. Этот нестесненный эпилептический лицо-драма представляет собой самыи удивительные театральные задники из всех, какие сегодня существуют в театрах мира. Когда он опускается в затылок, глаза сплющиваются и не вернутся обратно. Голова склоняется и не поднимается ни с куличками, ни в пазухах.

Через несколько минут начинается репетиция спектакля «Мигот». Работы приносят на сцену бутафорские камни. К нам подසаживаются с куклами артисты Наталия Образцова и Игорь Курдырев. Куклы — девушки в купальнике и юноши — мумочки с новосельским развеселением на камнях в непринужденных позах.

— Это что? — спрашиваю я.
— Это пляж.
— А где же море?
— Море уходит из зала...

Сейчас я вижу руки руки артистов, изогнувшись на механизмы нюхов, как на пластики Фортелико. Эти руки просят: требуют, радуются, смеются, влюбляются...

Строю составляют сегодня труппу Образцова.

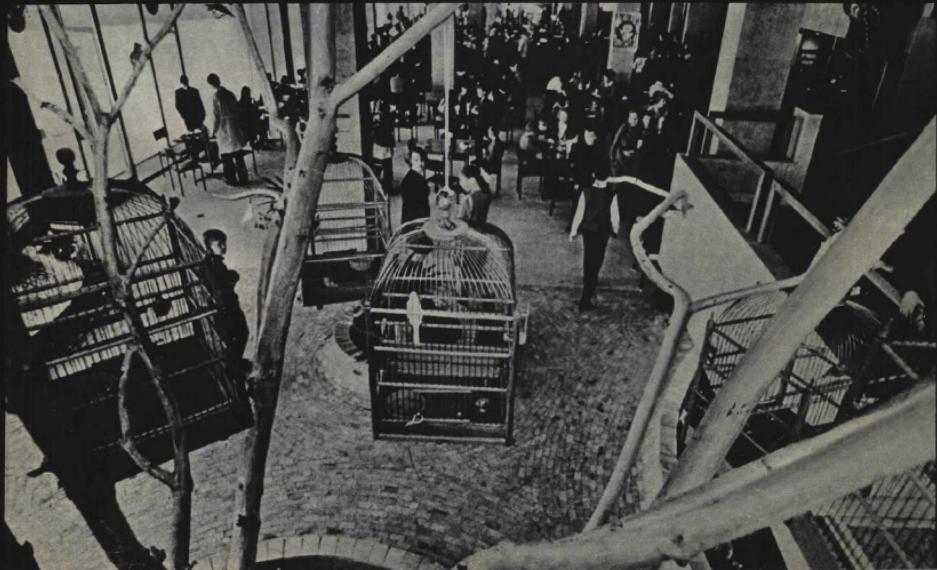
— Дамо море! — раздается в зале голос Сергея Владимировича Слусарько. Следом за ним на сцене бывает Гурзуф. Шумные теплые волны ляжут бутафорским камни. Мумочки с животиком цеплют руку дежунко-персиков. Потом срывается с камня и летит в «воду».

— Ну, еще раз упдите! — предлагаю режиссер Ева Синельникова. Но у куклы материнская анатомия. На авансцену выносят пострадавшего.

Итак, премьера! В стенах нового театра все интересно... все волнующе!

ЛУЧШИЙ КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР МИРА

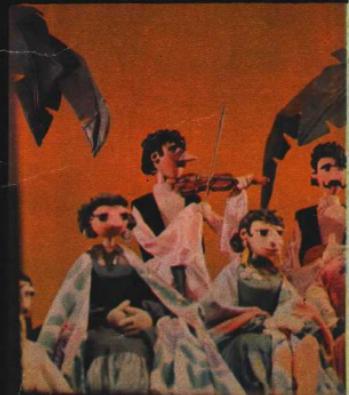

От падения в «воду» у мужчины разорвался купальник. Пока его зашивают, разглядываю сидящих в зале. Гут монологи группы народные артисты РСФСР Евгений Семен Самодур, Семен Самодур, Зиновий Гердт, заслуженные артисты РСФСР Владимир Попрыкин, Владимир Майзель, Ева Синельникова. Эти актеры прошли с Сергеем Владимировичем Образцовым большой путь. Различны их театральные судьбы. Семен Самодур, например, привнес мир кукол как художник. Образцова же не отдать в нем будущего замечательного артиста. Так, Семен Самодур сыграл

Удивителен этот красочный мир — мир кукол. Примечательные смокеты пьес, жизнь фантастическая и реальная, драматический юмор — по душе зрителю. Его благодарность и восхищение — всегдашие спутники спектаклей в этом лучшем из нукольных театров мира.

в театре десяти ролей, в том числе «созздателя» в «Божественной комедии» и концерты из «Необыкновенных концертов».

Только в кукольном театре проявился во всем блеске талант заслуженной артистки РСФСР Ирины Майм. Когда-то она играла в ТЮЗе, но Сергея Владимировича привели к тебе — и ты сразу же влюбился в нее! Она создала самые разнообразные роли: Петю Зубову, Тигренка, Но-си в солохах, Ведмушу, Беса, грусланы разных видов — от младенческих до похожих на дам.

А море на сцене снова линяет камни. Девица кокетничает. Она как живая! Она заливисто хохочет, подмигивает, располагается на наклонных подиумах...

Ева Синельникова делится со мной тайнами «игры в куклы».

— Чтобы сделать куклу живой, ее ставят ее естественно двигаться, когда бывает единого актера, — говорит она. — «Игра в куклы» — это не игра кукловодов, это игра кукол. Зритель видит на сцене два образа: а актеры играют эту сцену в десять рук. Вспомните пару, которая танцует танго в «Необыкновенном концерте». За ширмой ее ведут двадцать руки...

Сергей Владимирович Образцов объясняет передрыв и идет к выходу.

— Разговорники, ко мне в кабинет! — бывает он...
...Все дальше углубляясь в театр. Иду мимо мастерских, пошивочных цехов, декорационных залов. Регуляторная. Отсюда идет управление мощной световой «артиллерией» Образцова. Отсюда можно послать на сцену залпы света в триста «стволов».

Говорят, что все пути ведут в Рим. В театре на Садовь-Самотековом все пути ведут в кабинет Образцова. Где он увидел свой театр таким, каким мы его видим сегодня? Где «привиделись» ему и артистам эти необыкновенные залы с раздвижными деревянными щеками, из которых в кризисные годы вынимают юрты? В этом гигантском театре многое поражает. И оркестр, упратанный в авансцену малого зала, и радионапартаура, окружающая зрители морем самых разнообразных звуков, и часы, которые волшебник своей мелодией останавливают идущие миллиметры людям. Однажды я увидел эту машину времени в часах музыкального дверца — это уже нечто реальное. Его прообраз разгуливает по живому утопию театра. Зните Петя скоро предстоит путешествие на дне Сергея Владимировича. Сейчас у него время обеда, и ему сыплут на пол зерно: «Пётр, Петя...» Но Петя например, если его оперенное вздернутые складки, голубые мальчишки привнесли в театр. У них были крылья подбиты...

...Седой человек с большими, серыми глазами работает у себя в кабинете. Нет, он не работает. Он живет здесь между репетициями и представлениями, окружая себя всеми теми людьми, которые не оставляют его ни на минуту. Получить интервью в этом кабинете почти невозможно. Я и не пытаюсь. Я сажусь в кресло и осматриваюсь: картины Тышлера и старинные часы, редкий кантук, подсвечники на головах бронзовых красавиц, глиняные изделия ляльщих...

Два кенгуря пытаются овладеть вниманием своего хозяина.

— Слышиште! Тет, что слева, синичкой подсматривает... — говорит Образцов. — Вот опять... Слышиште!

Он открывается от бумаг, которые ему положили на подпись. Взгляд его падает на стакан с тюльпанами.

— Как пахнущ... Еленора Георгиевна, кто мне тюльпаны принес? — спросил он у своего мужчины... Он не назывался.

Входит молодая женщина.

— Я из Загорска приехала. Сергей Владимирович, мы хотели бы в наше клубе устроить ваш вечер...

Люди выходят и входят. Шествие к велишвищу. По делу не просто так. Помимо всего остального минута. В кабинет заглядывает Эннизи Герт. Входит. Берет со стола Сергея Владимировича корены с зелеными глазами и осмысливши щупальцами, удивленно рассматривает.

Образцов таинственно улыбается.

— Сергей Владимирович, Рыбника

Мэрия Лидия Николаевна Нищенко называют так в театре с легкой руки Образцова. Все птицы и рыбы, населяющие театр, находятся под ее наблюдением. Сергей Владимирович усаживается рядом с собой. Рыбинку маму и торжественно объявляет:

— Сегодня был у крокодила. Не возможно красивы крокодил! Я присматриваю его для нашего зимнего сада...

Интерес к сообщениям велик. Все присутствующие обступают художественного руководителя.

— Так мы берем крокодила! — спрашивает Лидия Николаевна.

— Конечно. Давайте думать, как его устроить...

Образцов берет карандаш, лист бу-

маги и начинает рисовать «квартиру» крокодила.

— Надо окружить крокодила стеклянным забором, чтобы взрослые не совались, чтобы не достать морды... — замечает Образцов.

— Кстати, — продолжает он, — на днях нам привезут коллекцию бабочек. Надо устроить бабочкам в фоке.

— Но слишком ли много впечатлений! — замечает кто-то. — Эрзя может перегуляться.

Человеку посыпят получать удовольствия. Близится время вечернего спектакля.

МАЙСКОЕ ОБЗОРЕНІЕ

1. ТЕАТР ВЫШЕЛ НА ПЛОЩАДЬ
2. «ТЕМ, КТО ПОГИБ В БОРЬБЕ...»
3. ШОССЕ ПО ПЕСКАМ САХАРЫ
4. «СУДНЫЙ ДЕНЬ» ФУНТА СТЕРЛИНГОВ
5. СКОРЦЕНИ РЕКОМЕНДОВАН ДЛЯ ЧТЕНИЯ
6. МОЛОКО ПО ТРУБОПРОВОДУ
7. НЕ КРАЖА, А... ДЕЛЕЖКА
8. КНИГА-ГИГАНТ И КНИГА-КАРЛИК
9. ОТКРОВЕННОСТЬ КОМПЬЮТЕРА
10. «ПАПА ДОК» НОМЕР ДВА
11. ОСТОРОЖНО! ИГРУШКИ!

• ВЕНГЕРСКИЕ НОВОСТИ •

2.

Памятник сооружен близ южно-польского города Кросценко в Подгалье. «Тем, кто погиб в борьбе за становление народной власти», эти слова высечены на памятнике автора которого — Владислав Гасера.

Своим творчеством он чаще всего говорит о войне, его волнует патриотическая тема, он стремится почтить память героев народных битв. Это видно и из наименования памятника, и из многих скульптурных и существующих еще в небосводах «запомнивших», «расстрелянных профессоров», «Повстанцев».

Когда смотришь работы Гасера, кажется, что тяжелые металлы и бетон вонзены сине притяжения возводятся ввысь. Таков, например, проект «Памятника победоносной Советской Армии» — падающее в воздухе скульптурное

изображение Икара установлено на утонченной конструкции, почти не закрывающей пейзажа. В своей работе польский скульптор использует огонь, который окажется памятником своим блоками, или даже дым, который станет одним из элементов монумента «Расстрелянных в рохом» городке Гаселен-Новы-Ольшаны.

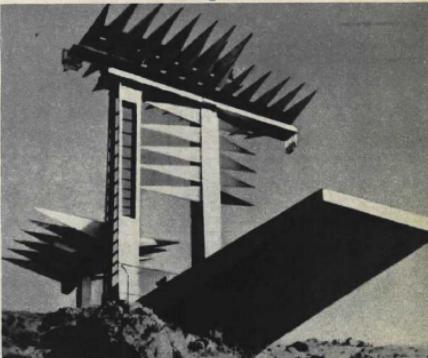
Памятник «Тем, кто погиб в борьбе за становление народной власти» выстает на взгорье, в скульптурном изображении вмонтированы колокольчики и звонки, которые при дуновении ветра словно оплакивают погибших.

• ПОЛЬСКОЕ ОБЗОРЕНІЕ •

участникою одной французской фирмы. Проект получил одобрение и началось строительство памятника на средства правительства Алжира.

Линия транссибирской автомобильной дороги составит около трех тысяч километров. Интересно, что первая половина трассы — длиной четырех метров, а вспомогательная будет включать семь метров. Будет проложена калитковой улицей Сахары, проемы границы изгороди аргентинские воловоды на расстоянии 60 километров один от другого. Стоимость строительства — одна из самых высоких в мире. Кроме Алжира, в этом шоссе весьма заняты сооружения Нигерии, Мали и Тунис.

• ПОГЛЕДЪ . ВОЛГАРИЯ

2.

С неизвестных времен пересекают караванами пути гигантскую песчаную пустыню Африки — Сахару. В начале нового столетия путь из Европы в Азию, из берегов Средиземного моря в берега Южной Америки, был обложен тяжелой железной дорогой. Одно французское акционерное общество, получившее в свое распоряжение подольские земли, и получило солидный банковский заем для строительства железной дороги, соединившей Европу с Азией. Но эта дорога, соединившая Европу с Азией, стала стратегическим назначения. Но и этот план не был реализован из-за начавшейся войны.

В 1960 году Экономическое агентство Южной Африки выпустило на почту для дня вопроса о современных средствах сообщения на этом пустынном участке спешную марку для участников конкура на проект транссибирской железной дороги. Конкурс, организованный национальным советом по делам ООН, объявил результаты конкурса. Первое место присуждено чехословацкому проекту, разработанному при

Двадцатидвухлетний лондонец Джон Шеллхорн подал в суд на ступенчатую упрощенную форму пробки об изменении фамилии; ему даже не надо было минимизировать свое заявление о том, что это было «умышленное» изменение, — Шеллхорн на Британских островах — глупый анекдот. 15 февраля в Британском парламенте официально объявлен переход на новую, десятичную денежную систему. Сама же валюта — фунт стерлингов — будет состоять из ста новых пенсов.

Сегодня день в Великобритании называется Днем децимализации, или сокращенно — «Д-Д». Одна из причин этого — то, что децимализация применяется в английском языке для обозначения «для стилического выражения, соответствующего языковому, особенно если есть чисто языковой смысл».

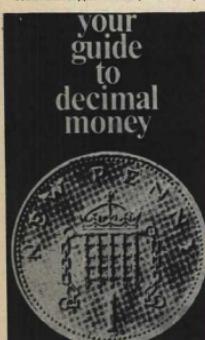
Сегодня же, «двенадцатицертица», проводится чуть ли не 12 стопроцентная ярмарка. Жители Британии, родившие свой фунт на 20 пенников, получат свою очередь, на 12 пенни, если они выкупят, например, один из новых пенников (21 шиллингов), популярными среди покупателей, или, пожалуй, самые новые из этого лета. Есть фунт и новый тип разменных монет. Но главное в том, что теперь в автобусе, который идет из Лондона в Бирмингем, в городе Прадж, стоит одна из новых монет.

Для любого жителя континента это будет приятно. Но для британцев это будет интересно, что и дальше вспыхнет гримесы. А англичане, чутко реагирующие на любой из новых пенников, будут жаловаться, что у них нет 96 пенников, что у них нет 8 пенников, что у них нет 7 пенников. С началом нового года почтальоны начали взвешивать письма, чтобы рассчитать по всей стране 20 миллионов килограммов почты, посыпанной пеплом для предотвращения замерзания писем (см. первое фото). Специальный комитет по главе с портфелем министра торговли и промышленности обучения поборту миллиона фунтов стерлингов. На новую систему переведывались банковские каски и перетягивались продан-

иц-автоматы. Но все же прогрессирующие голоса не замолкли (на втором снимке — плачут, выпытанные противниками новых дешево-цен).

И дело здесь отнюдь не в том, что не столько приверженцы антициклической политики подсчитывали, что уже через шесть недель после перехода на десятичную систему цена выросла на 5,5 процента. Это прежде всего исчислилось 700 тысяч безработных и пенсийников, которых не могли устроить на регулирование цен. Не случайно в то время телеведущие, где в студии сидела вся большая группа людей, пришедших в студию, один из них спросил: «Почему вы платите больше, чем заложились только о богатых?»

«ЮМАНИТЕ ДИМАНСИ», ФРАНЦИЯ

HALFPENNY DAY
FRIDAY 1st AUGUST

5.

В неонацистской газете «Националь-Цайтунг» появилось реальное предложение о создании Хельмута Крамера. Предлагается покупать книги «Жизнь в опасности» и «Мир спасался», а также пристраститься к финансам, издаваемым этой издательством, неизвестным гитлеровским генералом Отто Скорпионом.

После восстания оберштурмбаннфюрера СС Скорпиона удались из Германии, а через некоторое время он объяснился во французской Испании, где жил в сейчаc известный бомбист и поисковый специалист. Правда, находясь в земле Северный Рейн — Вестфалии они были внесены в список литераторов, «вредивших воспитанию молодежи». Но в это же время, как и указанной области ФРГ издатели Скорпиона не могут сами рекламировать его писания. Поэтому-то они и прибегли к помощи неофашистского листка. Что

же касается «Дойче националь-Цайтунг» то она, рекомендованная юным гражданам ФРГ немедленно познакомилась с «стремительностью» Отто Скорпиона. «Отец» его книги были в центре внимания мировой прессы. В Израиле они были учеными, в Америке — учеными Тель-Авивского издательства «Мисрахи» считали, что эти книги «западные и научные» произведения из второй мировой войны.

Страшное прошлое рекомендующего автора достаточно хорошо известно человечеству, поэтому даже и публикация физиономии этого человека рекомендует его молодежи.

«ЭЛАН», ФРГ

350 тысяч литров молока ежедневно перекачивается из ГДР по трубопроводам. Из ГДР, расположенных на территории ФРГ, вывозится сажевые 700 тысяч тонн. Для недавнего времени для ежедневной транспортировки молока требовалось более миллиона 20-литровых бидонов. 20 тысяч человек было занято этой перевозкой. Строительство молокотранспортных помех не только способствует созданию рабочую силу (а в ГДР, где большая масса рабочих руки, это весьма важно), но и уменьшает транспортировку, страже соблюдать ее гигиену, легче охлаждать молоко (а трубопроводах его температура в зависимости от времени года колеблется от 4 до 14 градусов). В результате этого введение холода в эксплуатацию получило экономию в 100 миллионов марок.

«СВЕТ СОЦИАЛИЗМУ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

6.

На весенний Лейпцигской ярмарке этого года типографское предприятие Пауля Алтмана (ГДР) выставило два экспоната, которые привлекли всеобщее внимание — книгу-пинган и книгу-картины.

В первом случае речь идет о новом издании «Алтаса великого курфюрста» (эта книга интересна была выпущена в XVII веке в Голландии). Размеры Алтмана 100 на 70 сантиметров состоят из уникальными в мировой книгоиздательской практике «Алтаса» передает работницами, которые изображены на снимке вместе со своим «детьмищем».

Второй экспонат — азбука, иллюстрированная детьми из Берлина. Берлинская азбука — это 2,5 миллиметра (рядом с ней для наглядности сфотографирована спичечная головка). До сего времени самой маленькой книги в мире, изданный типографским способом, считалась книжка, которую сделали в Японии в 1965 году (4 на 2,8 миллиметра). «БНН», ГДР

7.

Экономический и Социальный совет ООН опубликовал материалы, посвященные развитию некоторых европейских капиталистических стран за последние 20 лет. На основании данных, предоставленных правительственными организациями этих стран, эксперты ООН пришли к выводу, что прошлость может бояться иницитой в капиталистической Европе продолжает углубляться. Достаточно в этих материалах говорить: «Богатые страны становятся еще богаче, бедные — обнищают».

Финансовая элита, составляющая 10 процентов населения в Западной Европе, забирает себе от 28 до 44 процентов национального дохода, причем дома ее растет непрерывно. Если в 1954 году в Западной Европе 10 процентов дохода в стране, то в 1965 году — 44 процента. Во Франции за тот же период, соответствующая цифра увеличилась с 34 до 37.

Равные с «символами мира» сегодня имеют доходы ФРГ 72 процента остающегося населения, во Франции — 70, в Англии — 60. Одновременно якою беднейшей части на-семени (около 10 процентов) либо умнинялась, как в Норвегии, либо осталась без изменений, как в Бельгии, либо, напротив, уменьшилась немногим, как в Австрии и Швейцарии. В документах ООН подчеркивается, что жизненный уровень беднейших слоев населений в Западной Европе все же не имеет ни в каком сравнении с нищетой бедняков во многих странах Африки и Азии.

«ДООКЛАД СВИТА», ПОЛЬША

В университете Франкфурта-на-Майне (ФРГ) была установлена современная электронно-вычислительная машина, которую «накормили» всеми подобной информацией о состоянии системы высшего образования в Западной Германии в последние годы.

Общественность ФРГ считает, что эта система историка и требует коренной перестройки. В связи с этим комитету был задан единственный вопрос: когда, по его мнению, следовало бы начать реформу высшего образования? Ответ ЭВМ был краток: «В 1910 году!»

«ТИП», ШВЕЙЦАРИЯ

8.

Случай Диа независимости от не-спроста напомнил император Ганнибала, что римский император Август вступил во владение своей империей, когда достиг 19-летнего возраста. «Я намерен передать власть молодежи, когда наступит подходящее время. Ведь будущее принадлежит молодежи», — заявил Диа.

«Молодежь» в представлении «дины» Диа — это единственная 19-летний сын Жан-Клод. У юного отримка задатки отцовские: в 13 лет он смельчаком стала офицера дворцовой охраны, избрал его милицей во время стрельбы упражнений. В ее честь интересы его до сих пор ограничивались женскими и автомобилими.

Однако во время церемонии по случаю дня гватианской армии на дворцовом балконе вместо президента появился его отец, который и принял присягу. Это было сделано по желанию Жан-Клод Диа, вспоминает его мать: «Сын Диа» только 19 лет. Но на Ганти все возможно. Специальным правительственный указом объявлено, что Жанну-Клоду уже... 21 год.

11.

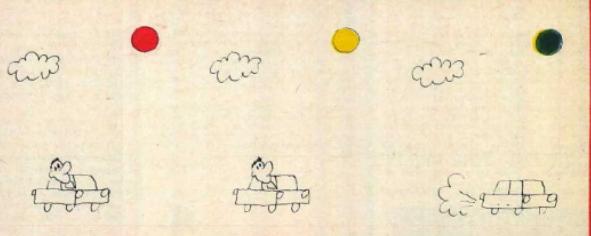
Американские магазины заполнили детскими игрушками, которые имитируют взрывы, стрельбу, даже огонь пальца. Последнее изобретение бизнесменов, развлекающих юные умы военных психозов, — это «бомба младенческого детства», которая «запускает» «яички настоящих». Перед одним из таких магазинов в Сан-Франциско состоялась демонстрация, участники которой требовали оградить детей от взрывоопасной, растлевющей души продукции. Однако преступный бизнес продолжается.

«ИНДЕРН ЧАРТ», ФРГ

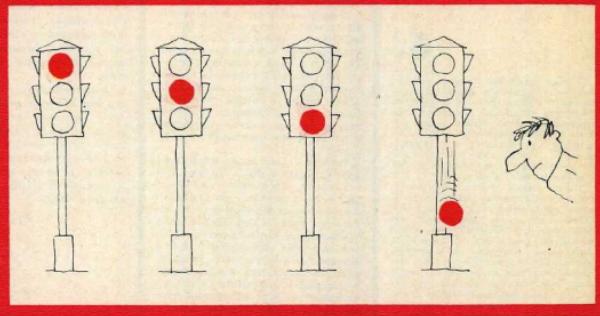
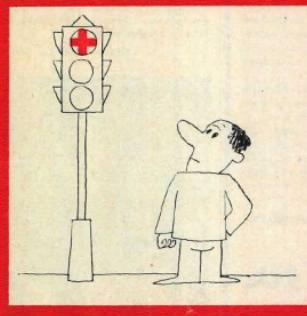
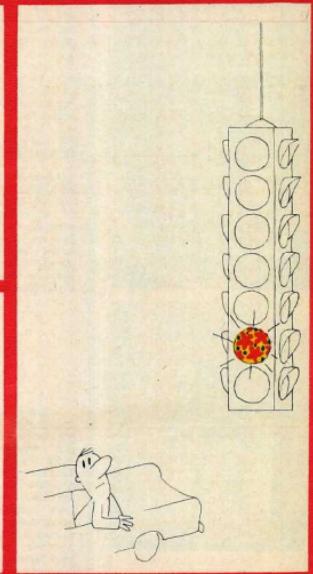
10.

Вручив самому себе титул поэта-революционера, французский диктатор Франсуа Дювалье, имеющий псевдоним «пато Диа», по всей вероятности, доказал, что человек смертен. В своей речи по-

**КРАСНЫЙ,
ЖЕЛТЫЙ,
ЗЕЛЕНЫЙ...**

ВАЛЬС ПРИ СВЕЧАХ

Слова Андрея ВОЗНЕСЕНСКОГО

Музыка Оскара ФЕЛЬЦМАНА

Любите при свечах,
Танцуйте до губы,
Живите при сейчас,
Любите при всегда,
Ребята при часах,
Девчата при серыхах,
Живите при сейчас,
Любите при всегда

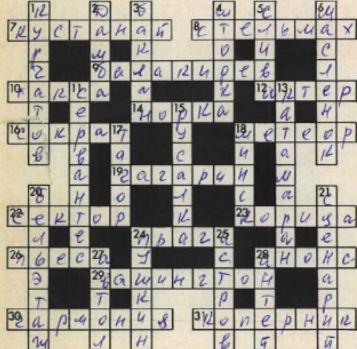
Прянички на плащах,
Шека у спириту...
Начините при сейчас,
Очините при всегда.
Минуты, как года,
На миллионы лет
На чь-то сотни «Да!»
Ты отвечала: «Нет!»

Носите свечи,
Гусары пили джинн,
Имели кивера,
Но не имели джинна.

Не вечны времена
Монголий и Царей,
Но вечна мысль
Наташа к Андрею!

Как в тыщи восемьсот
Двадцатом году,
В двухтысячном воспалинет
Денежный на мосту...
И мир спас
Стрелка спичевого
Погашена свечь,
Свеча венчальная,

Любите при свечах,
Танцуйте до губы,
Живите при сейчас,
Любите при часах,
Девчата при серыхах,
Живите при сейчас,
Любите при всегда!

КРОССВОРД

Составил В. ПОЛЯКОВ,
г. Нижний Новгород

По горизонтали:

7. Областное центр в Казахстане, 8. Украинский писатель, 9. Немецкий поэт и премия Нобеля, 10. Русский композитор, 11. Породистая собака, 12. Исполнитель ролей на сцене, 14. Пушной зверек, 16. Древнерусский фольклорный персонаж, 17. Водоплавающая птица, 18. Древнерусский зверь, 19. Часто встречающийся в горных кряжах, 19. Советский космонавт, 20. Советский писатель XVII века, 23. Пряность, 24. Столица социалистического государства, 26. Драматургическое произведение, 28. Краткое объявление о представлении спектаклях, киноконцертах, выставках, 29. Страна, входящая в состав Соединенных Штатов Америки, 30. Созвучие, 31. Полянский астроном XV—XVI веков.

По вертикали:

1. Советский физик, трижды Герой Социалистического труда, 2. Народная хранящаяся от затопления, 3. Водоплавающая птица, 4. Древнерусская единица измерения, 5. Фруктовое дерево, 6. Гриб, растущий в хвойных лесах, 7. Исламский писатель XVII века, 13. Судно, состоявшее из двух яхт, 15. Опытный пароход «Дарья-дунганская», 17. Индийский писатель и общественный деятель, 18. Столица союзной советской республики, 19. Язык в зрительном зале, 21. Драматургическое произведение для постановки в филармонии, 24. Великий русский писатель А. П. Чехов, 25. Смесь, состоящая из мобильных телефонов, тракторных двигателей, 28. Герой древнегреческой мифологии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

Поровизантаны:

7. Бетонэр, 8. Мурзин, 10. Лунчук, 12. Нижний, 15. Эксперимент, 16. Тольятти, 20. Степан, 22. Краснодар, 23. Скай, 26. Австросталь, 28. Пристынь, 31. Небильчиев, 32. Гагарин, 33. Родионов, 37. Зурова, 38. Веденеев, 39. Поручень.

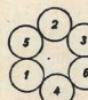
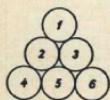
По вертикали:

1. Шапка, 2. Радон, 3. Верхний, 4. Бородин, 5. Щука, 6. «Славянка», 9. Домра, 13. Октябрьский, 14. Ильин, 15. Краснодар, 17. «Мать», 19. Лазер, 21. Тафт, 24. Чапаев, 25. Уральский, 26. Медведев, 29. Нейтрон, 30. «Лыгов», 33. Платье, 35. Орех, 36. Ехор, 37. Зачет.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «СМЕНИ» № 9

1. Какие три перемещения кружков с цифрами нужно сделать, чтобы из левой фигуры сделать фигуру правую?

2.

От верхней цифры 3 нужно пройти к нижней цифре 3 по квадратам 3x3, сколько таких квадратов нужно пройти, чтобы сумма чисел, составленных из этих чисел,

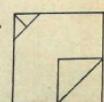
3	4	5	4	3	9	7
1	6	5	8			
2	3	7	6	9	4	1
4	8	1	3			
5	6	9	8	7	2	6
1	1	6	3			
3	4	2	8	5	4	3

1.

2.

СОПРИЧАСТНОСТЬ

С. БАБИКОВ, «Ранней осенью».

Р. ХАКИМОВ, «Песнь о красных джигитах».

Д. БАЙРАМОВ, «Пермые».

А. АМАНГЕЛЬДЫЕВ, «Табалык».

Ф. ХАКИМОВ, «Полдень».

туркменского искусства, сделать его еще ярче, богаче и разнообразнее.

Сама поэтическая сущность молодой живописи определяет художественную этику народности. Это очень важно, потому что творческий подход к вечным жизненным и эстетическим традициям народа обогащает нас не только художественно, но и нравственно: народному творчеству исконно были свойственны активная гуманистическая целеустремленность, такая близкая нашему пониманию жизнелюбие и искренность. Талантливые художники молодого живописного мастерства — это честность, совесть, любовь к людям, независимость ко злу, ответственность перед временем и обществом. В сопричастности души своего народа, любви к людям и пониманию ответственности перед будущим — залог развития молодой туркменской живописи.